Сергей Сакадынский

Солнце всходит на севере

Меч и мечта

12+

Сергей Сакадынский

Солнце всходит на севере

«Автор»
2018

Сакадынский С.

Солнце всходит на севере / С. Сакадынский — «Автор», 2018

Он убийца-изгой, всё богатство которого - меч и мечта о славе. Она дочь могущественного вождя, прозябающая в тени своего отца и брата. Ради её любви он пойдёт на край света, забудет свой дом и предаст лучшего друга. Ради власти она нарушит волю отца, сожжёт города и прольёт реки крови. А вместе им суждено пошатнуть могущество великой империи и на её руинах создать державу, чьё имя будет прославлено в веках. Потому что однажды солнце взойдёт на севере и мир перестанет быть прежним. Это первая часть трилогии "Солнце всходит на севере"

© Сакадынский С., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 25
Глава 3. 40
Глава 4. 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Сергей Сакадынский
Солнце всходит на севере

Глава 1.

1.

Деревня стояла на меже леса и степи. Место – лучше не придумаешь. Летом, когда иссушающий зной овладевает степью и в душном мареве всё расплывается перед глазами, спасительная лесная прохлада раскрывает свои объятия, приглашая укрыться в тени деревьев от нестерпимой жары. Когда же жара уходит, благоухающая запахами тысячи трав степь зовёт в свои необъятные просторы, под купол усеянного яркими звёздами неба. В лесу – раздолье для охотников, в степи – пастбища для скота и земля под пашню.

Если же из степи приходит беда – налетают печенеги или другие кочевники, – люди бегут в лес, чтобы там переждать опасность. Правда, такие набеги теперь случаются редко. Хазары уже много лет держат степные племена в крепком кулаке. Они здесь настоящие и единственные хозяева. Они появляются раз в год, собирают с поселян-земледельцев дань и уходят в свою страну, которая находится далеко на востоке, там, где река Атиль впадает в Джурджанское море.

Разумеется, о той стране Радомир, как, впрочем, и все остальные, знал только по рассказам. В свои шестнадцать лет он нигде не бывал, кроме своей деревни и окружавших её леса и степи. Да и хазар видел только издалека. Они приезжали в конце весны или в самом начале лета, становились лагерем за оврагом, на опушке леса, куда поселяне свозили им мёд, воск и меха, а потом, нагруженные всем этим добром, уходили прочь навстречу солнцу. Говорили, что в некоторых деревнях они забирали и уводили с собой людей, но в деревне Радомира такой беды, хвала древним богам и духам-охранителям, не случалось ни разу.

В то лето хазары явились позже обычного. Мальчишка-пастух первым увидел отряд – десяток всадников и несколько вьючных лошадей, – и помчался в деревню с криком:

– Хазары! Хазары едут!

Люди повыбегали из землянок и тревожно загалдели. Старик Боголюб, деревенский старейшина, седой и сгорбленный, тяжело заковылял навстречу гостям. Народ потянулся за ним следом.

Предводитель отряда выделялся среди своих спутников и лицом и одеждой. Радомир сразу понял – хазарин. Сухопарый, высокий, не молодой, но ещё и не старик. Слегка вьющиеся пепельные волосы – не то седые не то такие от природы, спадали из-под белого тюрбана до самых плеч. Лицо обветренное, загорелое, борода коротко остриженная, тонкие усы подковой, на левой щеке едва приметный косой шрам, нос с горбинкой, а серые глаза блестят холодной сталью. Одетый во всё белое, и белоснежный плащ мягкими складками спадает на круп серого в яблоках коня. Белый Воин, про себя тут же нарёк его Радомир. Под левой рукой изящный лебединый изгиб серебряной рукояти кривого меча. Похоже, это было единственное его оружие. Впрочем, ему оно было и ни к чему. Восемь телохранителей, окружавших его плотным кольцом, одним своим видом давали понять, что изрубят в куски любого, кто осмелится приблизиться к их предводителю. То ли мадьяры то ли печенеги, кто их разберёт. Темноволосые, смуглые, в одинаковых высоких островерхих шлемах, украшенных волчьими хвостами, в пластинчатых панцирях поверх лёгких кольчуг. У каждого с одной стороны к седлу приторочены небольшой круглый щит и боевой топор, с другой лук и два колчана, набитые стрелами, а в руке копьё с тяжёлым, широким наконечником на длинном древке.

Толмач, похоже из местных, разбитной румяный детина в короткой кольчужке, без шлема, в заломленной на бок шапке верхом на приземистом гнедом жеребце гарцевал впереди отряда, гордый своей важностью. Оторвавшись от своих спутников, он поскакал прямо на скучившихся у коловрата селян, будто собираясь их затоптать, но потом натянул поводья и осадил жеребца, так, что тот присел на задние ноги, остановившись в двух шагах от кинувшихся было в рассыпную людей.

– Не боись, дурачьё! – крикнул он, наматывая поводья на левую руку. – Кто тут старший, отзовись! Живо!

– Ну я, – старый Боголюб шагнул вперёд, комкая шапку в руках.

Остальные всадники между тем подъехали и остановились у толмача за спиной.

– Мой господин хочет знать почему ты, пёсья кровь, прошлым летом не выдал всей положенной дани?

– Так ведь, – старик огляделся по сторонам, – отправили ведь… Всё отдали…

– Врёшь! – Толмач дёрнул поводья и заставил жеребца взвиться на дыбы, да так, что его копыта едва не зацепили Боголюбова лица. – Ты только половину отдал! А зерна и того меньше!

– Всё, как уговорено, – гнул своё Боголюб. – С каждого двора по мешку зерна. А если вышло мало, так это потому что дворов стало меньше. Народу у нас поубавилось, сам посмотри…

– Врёшь! – снова крикнул парень и замахнулся на Боголюба плетью. Старик зажмурился, ожидая удара, но резкий окрик заставил толмача опустить руку.

Белый Воин что-то сказал ему на своём языке, тот поклонился, они перекинулись ещё парой слов и толмач снова повернулся к людям.

– Вот что, – лицо его было уже не таким надменным, – мой господин в это лето возьмёт дань кровью. Солнцеликому нужны воины. Ваша деревня даст трёх человек.

– Да где ж… – растерянно развёл руки Боголюб. – Да кого ж…

– А мне всё равно! – отрезал толмач. – Господин так сказал. Так что давай, шевелись. Вон у тебя парни крепкие, здоровые, если троих отдашь, от твоей деревни не убудет.

Селяне зашептались, поглядывая друг на друга.

– Мы в той роще лагерем на ночлег станем, – толмач махнул плетью в сторону опушки леса. – А ты до утра трёх молодцов собери. Да смотри чтоб не хромых да убогих.

Боголюб часто закивал головой.

– Да, вот ещё, – парень наклонился в седле и навис над стариком. – Девку мне найди. Ладную да складную. Вечером пришлёшь. Не боись, с собой не увезу. Завтра верну, может даже с прибавкой.

Толмач заржал, показав крупные жёлтые зубы и махнул рукой. Отряд неспешно развернулся и двинулся к берёзовой рощице.

2.

– Да перебить их всех и дело с концом! – горячился Жадан, крепкий, широкоплечий здоровяк с копной торчащих во все стороны рыжих волос. – Вон их там всего восемь бойцов…

Он кивнул в сторону берёзовой рощи, откуда поднимался в небо тонкий дымок костра. И продолжал:

– У нас тут два десятка здоровых мужиков. На раз-два управимся.

– Ну положим их не восемь, а десять… – медленно проговаривая слова, возразил Малк по прозвищу Дровосек.

– Пустобрёх не в счёт, – отмахнулся Жадан, очевидно имея в виду толмача. – Какой с него боец? А хазарин вон без оружия, за своими печенегами прячется.

Он стоял посреди круга односельчан, полный бесшабашной решимости, зажигая этой решимостью остальных:

– Нападём перед рассветом, когда они крепко спать будут, – продолжал Жадан. – Двух дозорных они выставят, не более. Свернём им головы по тихому, как каплунам, а остальные даже очнуться не успеют!

– Панцири у них, – сказал кто-то, – мечи да секиры. А у нас что? Вилы да рогатины?

– Спать они будут! – выкрикнул Жадан. – Спать! А как спать лягут, так броню по любому сымут!

– Погоди, – Боголюб запустил пятерню в свою редкую седую бороду. – Не горячись. Откуда знаешь, что они одни? Малым отрядом они бы не сунулись в такую даль. Где-то поблизости ждут остальные. И коль эти не вернутся, вмиг будут здесь.

– В Коростень надо послать гонца, – предложил Векша, рассудительный и вечно хмурый бирюк, чья изба стояла за дальним оврагом. – Как на прокорм за зерном своих присылать, так они тут как тут, вот пущай теперь помогают.

– Не успеем, – сказал Боголюб. – Туда гонец только до утра доберётся. Покуда они там соберутся, пока тронутся в путь… Это если соберутся…

– Вот что, – Жадан обвёл односельчан горящим взглядом. – Вы как хотите, а к хазарам в рабы я не пойду. Перебьём их этой ночью, а нет так и пускай, всё одно помирать, так лучше здесь, чем неведомо где!

– Слушайте! – вдруг неожиданно сам для себя подал голос Радомир. – Слушайте! Вот как поступим. И гонца в Корстень пошлём, и на хазар сами нападём. Ежели к ним подмога приспеет через день или два, так и мы помощи к тому времени дождёмся!

Все тут же притихли.

– А парень дело говорит, – закивал тяжёлой головой Векша.

Переведя дух, Радомир продолжил:

– А нападём мы на них так, что они и догадаться не успеют. Есть тут у меня задумка одна…

3.

С первыми сумерками тысячи сверчков затянули свою вечернюю песню, и их голоса, сливаясь в нестройный хор, невидимыми волнами перекатывались над бескрайней степью, над оцепеневшим вдруг лесом и эхом отзывались в сумеречной глубине подсвеченного редкими звёздами неба. Стоячий воздух, раскалившийся за день, теперь медленно остывал, истекая ароматами степных трав и лесной хвои. Запах жареного мяса, идущий от уже притухшего костра, не мог пробиться сквозь эти ароматы, тонул в них и терялся уже на расстоянии десятка шагов.

Когда две тени вынырнули из сгущавшихся сумерек, сидевший на плоском камне дозорный лишь слегка повернул голову, но опытный взгляд непременно заметил бы, как он отвёл руку в сторону, готовый в случае чего метнуть зажатый в ней нож.

«Этот не промахнётся», – подумал Боголюб и замахал над головой обеими руками.

– Толмач ваш где? – крикнул он нарочито громко. – Девку вот ему привёл!

Женская фигура, закутанная в платок, переминалась с ноги на ногу чуть позади.

Дозорный наверняка ничего не понял. Но тут у костра появился развесёлый детина, без кольчуги, без шапки, с кожаной флягой в руке и загорланил:

– Эй, сюда давай!

Дозорный молча кивнул головой в сторону костра.

– Пошли, – Боголюб заторопился, беспокойно оглядываясь по сторонам. Двое воинов, сидевших у костра, не обратили на него никакого внимания. Оба они, без доспехов, но с мечами на поясе, жарили на углях большие куски мяса, источавших такой аромат, что старик едва не подавился слюной. В стороне в сумерках маячил силуэт второго дозорного, который неподвижно стоял, опираясь на копьё. Остальные, видимо, спали на конских попонах

между костром и большим белым шатром, поставленным для командира отряда. Стреноженные лошади паслись рядом.

За большим шатром виднелся шатёр поменьше. Оттуда-то и вышел уже сильно подвыпивший толмач.

«Ты гляди какая важная птица, – пробормотал Боголюб. – И шатёр отдельно себе поставил».

– Быстрей, дед! – Парень отхлебнул из фляги и нетвёрдой походкой сделал несколько шагов навстречу. – Баба-то хоть ничего? Съедобная?

Он смерил осоловевшим взглядом смутно различимую в темноте женскую фигуру.

– Хош вина? – толмач помахал флягой, в которой ещё что-то булькало на дне. – Вы в вашей глухомани поди про такое и не слыхивали. Ладно, топай в шатёр, а мы тут со стариком ещё потолкуем.

– Иди, дочка, иди, – Боголюб подтолкнул девку и та бесшумно скользнула под полог.

Толмач приобнял старика за плечи, навалился на него всем своим весом и ткнул ему флягу под нос:

– На, пей!

Боголюб взял флягу, осторожно глотнул. Терпкая, густая жидкость была непривычной на вкус, а в голове сразу зашумело, будто от крепкой браги.

– То-то же! – важно изрёк парень, забирая флягу. – Не чета вашему пойлу!

А потом сделал суровое лицо.

– Завтра поутру присылай своих молодцов. Если не придут на рассвете, твою голову первую долой. Понял?

Старик согласно закивал.

– Ну ступай, ступай! Да смотри не убейся в темноте спьяну!

И толмач заржал так, что лошади испуганно шарахнулись в сторону.

Боголюб попятился, несколько раз поклонился, потом развернулся и заспешил прочь. Проводив его взглядом, парень потянулся, сыто рыгнул и воротился в шатёр.

Девка стояла посредине шатра, обхватив плечи руками.

– Эй, подруга, чего мнёшься? – Толмач качнулся. – Платок-то сними!

Девка молчала и не шевелилась. Он протянул руку и дёрнул за край платка.

– Что за…

В шатре было темно, но всё равно было видно, что с лицом девки что-то не так.

– Да это ж не баба! – успел только сказать толмач, как что-то острое ударило его снизу вверх под кадык и он, выпучив глаза, захрипел, захлёбываясь вдруг хлынувшей из горла кровью.

Малк почти вплотную подобрался к сидящему на камне дозорному и затаился, сдерживая дыхание. Сердце стучало так, что Малку казалось, будто его слышно за сотню шагов. Дозорный не шевелился. Видать, он дремал, уронив голову на грудь.

Малк поудобней перехватил топорище, вскочил, замахнулся и рубанул по кожаному назатыльнику, как раз там, где должна начинаться шея. Что-то хрустнуло, шлем покатился в траву, а дозорный на глазах изумлённого Малка вдруг начал разваливаться. Миг – и на земле перед ним лежит обёрнутое плащом соломенное чучело.

– Засада! – процедил Малк сквозь зубы и попятился, озираясь, обеими руками сжимая топорище.

Протяжный свист раздался откуда-то справа, а слева, будто из-под земли выскочил живой дозорный. Без шлема, ведь вот он, шлем, валяется на земле, но зато с мечом в руке.

– Засада! – успел крикнуть уже во весь голос Малк, и в следующий миг сверкнувший в лунном свете клинок развалил его надвое от левого плеча до правого бедра.

Услыхав этот крик, лежавший в траве Жадан вскочил и бросился бежать прочь. Но тут навстречу ему из темноты вылетел всадник. Волчий хвост болтается над головой, доспехи грозно лязгают при каждом движении, а остриё копья нацелено прямо в лицо Жадану.

Жадан развернулся и побежал в другую сторону, понимая, что от конного ему никак не уйти. Разве что в лес. Но до леса не меньше полусотни шагов, а топот копыт за спиной всё ближе. Жадан изо всех сил рванулся вперёд, но тут почувствовал, что ноги его перестали слушаться. Последнее, что он увидел, было окровавленное остриё копья, вдруг выросшее у него прямо из середины груди.

Когда Радомир, скинув бабское платье, выскочил из шатра, вокруг творилось страшное. Кто-то кричал, кто-то бежал, кому-то ремнями крутили руки. Несколько распростёртых тел валялись на земле, освещённые пламенем полыхавшего теперь в полную силу костра.

– Всё пропало! – Понял вдруг Радомир.

Бежать! Только куда? Догонят.

Тут он увидел, как из большого шатра вышел Белый Хазарин. Вышел неспешно, так, словно только что здесь никого не рубили насмерть. Он был без тюрбана и без плаща, в длинной белой одежде, перепоясаный алым кушаком, к которому был прицеплен кривой меч в серебряных ножнах. В груди у Радомира вдруг зажглась лютая ненависть к этому хазарину.

– Убью, – прошептал юноша. – Убью, а там будь что будет.

Он огляделся в поисках оружия. Повезло – четыре составленных наподобие шалаша копья, подмеченные им ещё в самом начале, оказались на месте, у входа в шатёр толмача. Радомир схватил одно из них, остальные со стуком попадали на траву.

– Убью! – закричал он и ринулся на хазарина.

Белый Воин стоял к нему в пол-оборота, и до него было шагов десять, не больше. Радомир преодолел это расстояние в три прыжка и нацелился уже ударить, но что-то блеснуло прямо перед ним, прочертив в воздухе сверкающую дугу, и отсеченный конец древка вместе с остриём отлетел в сторону. Один из телохранителей-печенегов, поигрывая мечём, вдруг встал между Радомиром и хазарином. Двое других приближались с двух сторон, тоже с мечами в руках.

«Всё, пропал!», – эта мысль обожгла Радомира, словно за шиворот вылили ковш холодной ключевой воды. А потом страх пропал, и вместо него пришло мрачное отчаяние, которое, наверное, чувствует зверь, окружённый со всех сторон охотниками.

Радомир взмахнул несколько раз бесполезной палкой, в которую превратилось его копьё, завертелся на месте, пытаясь охватить взглядом всех троих противников и угадать, кто из них ближе всего, кого легче будет достать. Печенеги двигались по кругу, обходя его и одновременно приближаясь. Ничего не выйдет – они нападут одновременно и порубят его прежде, чем он успеет ударить! Да и много ли древком без острия навоюешь! Эх, была, не была!..

Радомир вскинул руки и начал быстро вращать древко над головой. Да только это не помогло. Печенег взмахнул мечом, и древко стало ещё на локоть короче. Радомир едва успел пригнуться, уходя от другого меча, но тут третий печенег занёс оружие у него над головой.

Занёс, но не ударил. Потому что хазарин что-то выкрикнул, и мечи опустились.

Радомир огляделся по сторонам. Печенеги медленно отступили, не спуская с него глаз. Хазарин неторопливо подошёл ближе, смерил Радомира пристальным взглядом сощуренных глаз и снова что-то сказал. Меч вспыхнул в отсветах костра и упал к ногам Радомира.

– Подними! – сказал хазарин на чистом словенском языке.

Радомир выпустил из рук палку, нагнулся и поднял оружие. Меч был лёгкий, слегка изогнутый, заточенный с одной стороны, с удобной, как раз по ширине ладони, рукоятью. Такого оружия Радомир никогда в руках не держал. Он перекинул меч из одной руки в другую и несколько раз взмахнул им перед собой. Клинок со свистом разрубил воздух.

– Сражайся! – сказал хазарин, вынимая свой меч.

Радомир изумлённо посмотрел на него и взгляды их встретились. Хазарин стоял, держа меч в опущенной руке. Ждал. Ну что ж, так будет получше, чем с палкой один против троих.

Радомир замахнулся, прыгнул и ударил. Меч рассёк пустоту. Юноша так и не понял, как Белый Воин вдруг оказался у него за спиной. Только почувствовал, как лёгкое касание холодом обожгло шею.

Хазарин отступил и опустил меч. Радомир снова напал и снова промахнулся. И снова напал.

В третий раз хазарин не отступил. Уклонившись от Радомирова клинка, он вдруг шагнул вперёд и с размаху ударил юношу в грудь серебряной рукоятью. У Радомира перехватило дыхание. Он выронил оружие, попятился, споткнулся и упал на траву, хватая воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

Хазарин на него даже не посмотрел. Вложил меч в ножны и сказал своим:

– Этот поедет со мной. Остальных…

Тут он провёл ребром ладони по горлу и пошёл в свой шатёр.

4.

Рассвело. Осёдланные кони нетерпеливо били копытами, грызли удила и злобно косили глазами по сторонам. Радомир сидел на земле со связанными за спиной руками около свёрнутого шатра и рассеянно глядел в широко раскрытые глаза Жадана, чья голова, насаженная на длинную палку, будоражила аппетит круживших над лесом ворон. Головы ещё девятерых односельчан на таких же палках торчали рядом, а тела валялись внизу, сваленные в кучу, так, что нельзя было понять, где чьё. Чуть поодаль растянулся, широко раскинув руки и ноги давешний толмач. Лицо перекошено, одежда в крови. Из шеи у него всё ещё торчала длинная занозистая щепа, которую всадил туда Радомир.

Белый Хазарин подошёл, посмотрел на мертвеца, брезгливо поморщился.

– Этого похоронить, господин? – спросил один из воинов.

– Вороны похоронят, – сказал хазарин и махнул рукой. – Поехали!

5.

– А ты сам откуда?

Голос вырвал Радомира из сонного оцепенения. Он медленно брёл за телегой, загребая босыми ногами пыль. Его левую лодыжку крепко охватывала верёвка, завязанная хитроумным узлом. Такой не распутать. Один её конец был привязан к телеге, а другой к ноге идущего следом лохматого веснушчатого парня.

– Из деревни, – буркнул Радомир.

– Тут все из деревни, – Рябой кажется, усмехнулся. – Из какой?

Второй день они брели под жарким июньским солнцем куда-то на восток, одиннадцать молодых парней, связанных одной верёвкой. Как и говорил Боголюб, наехавших на их деревню хазар поджидал ещё один отряд. Десять человек конных, две больших повозки, ещё пяток пешей прислуги и пленные. Четыре бабы на телеге, остальные за телегой на привязи.

В отряде, кроме печенегов с волчьими хвостами, было ещё два знатных хазарина. Один в серебряном чеканном нагруднике, у другого плащ по краю обшит золотом. Но оба, как сразу подметил Радомир, подчинялись Белому Хазарину и держались от него на почтительном расстоянии. Сам предводитель отряда ехал впереди, всё время окружённый четырьмя печенегами.

– Из той деревни, что за Бобровым урочищем, – неохотно ответил Радомир.

– А, бобровский значит. – Рябой не отставал. – У нас всех, кто на вашей стороне живёт, зовут бобровскими.

– Ну и пускай, – Радомир тоскливо огляделся по сторонам. – Теперь уж всё равно.

Отряд миновал небольшой перелесок. Дорога пошла в гору.

– Сюда как попал? – снова спросил Рябой.

– Белый Хазарин забрал.

– Тот, что впереди что ли?

– Ага.

Некоторое время шли молча. Дорога перевалила через бугор и запетляла вниз по склону.

– А откуда знаешь, что он хазарин? – опять подал голос Рябой.

– Хазарин он и есть хазарин, чего тут знать.

– Ну а вот как отличить хазарина от жидовина знаешь? Имена у них одинаковые и богу одному молятся.

– Ну… – Радомир задумался. – Хазаре, они светлые, а жидовины чернявые.

– Да ладно, – хохотнул Рябой. – Бывают хазаре тёмные, аж чёрные.

– Тогда не знаю.

– Хазарин он всегда с мечём и на коне, – важно сообщил Рябой. – А жидовин на телеге и с мешком скарба. Хазарин всё так берёт, а жидовин покупает.

– Ты откуда знаешь?

– А меня жидовин купил. Вместе с сестрой Смеляной. Вон она сидит на телеге, вторая с нашего краю.

Радомир даже оглянулся.

– Как купил?

– Ну так, взял да и купил. Беда у нас приключилась, молния попала в амбар, да и весь урожай сгорел. Голодали сильно. А тот жидовин за нас дал три мешка проса.

– И что, родня не воспротивилась?

– Сироты мы. Вот старейшина нас и продал тому жидовину. А жидовин потом хазарину отдал.

– Зачем отдал?

– А кто их поймёт. Они долго ругались, а потом жидовин говорит, мол, забирай этих двоих, мне они ни к чему. Может, продал, может так отдал, не знаю.

Радомир посмотрел вперёд. На телеге рядком, свесив босые ноги, сидели пять девок. Он только сейчас заметил, что они связаны точно так же друг с другом одной верёвкой, конец которой примотан к телеге. Сестра Рябого Смеляна глядя куда-то в даль широко раскрытыми васильковыми глазами плела косу.

«Красивая», – подумал Радомир. А вслух спросил:

– Слышь, Рябой, а куда нас ведут?

– Меня вообще Гудим зовут, – немедля отозвался тот, – но можешь и Рябым звать, мне всё едино. А ведут нас, как я слышал, в главный город, который зовётся Хазаран. Что будет с нами, не знаю. Но точно скажу, там мы и сгинем навек.

Радомир нахмурился. Пропадать на чужбине ему совсем не хотелось.

– А бежать? Может бежать?

Рябой засмеялся.

– Как? Был тут один. Разрезал черепком верёвку да побежал. Печенег тут же ногу ему стрелой пробил. А потом они ему брюхо разрезали и подвесили на дереве помирать. А нам сказали, что будет так с каждым, кто ещё побежит.

Потом, подумав, Рябой добавил:

– А если бежать, то сейчас. Потому что скоро перейдём большую реку, а там всё, конец.

6.

К реке они вышли уже к концу следующего дня. Миновав небольшой лесок, отряд оказался над кручей, откуда видно было далеко вокруг. Река, широкая, так что другой берег едва видно, медленно текла с севера на юг, дугой огибая гору, на которой стояла небольшая кре-

пость. Внизу, под горой, там, где в большую реку впадала речка намного меньшая, виднелись какие-то постройки и множество лодок, вытащенных на берег. Широкая пристань на толстенных сваях выдавалась далеко вперёд, и как раз сейчас там с большого парома выгружался конный отряд.

– Шамбат, – ни к кому не обращаясь, сказал хазарин, – Высокая крепость.

Видно, он имел в виду укрепление на горе.

Отряд стал спускаться по плотно утоптанной дороге между двух холмов. Теперь Радомир хорошо видел берег, к которому примыкал то ли посёлок то ли торг, где между постройками безостановочно сновали люди.

Пока они спускались, от крепости по склону им навстречу поскакал человек на белом коне. За ним в небольшом отдалении следовали два всадника с волчьими хвостами на шлемах. Поравнявшись с отрядом, человек осадил коня и поднял правую руку.

– Мир тебе, Рафаил! – выкрикнул он, обращаясь к Белому Хазарину.

– Привет, Борух! – отвечал тот.

Они соскочили с коней и крепко обнялись. Тот, второй был пониже ростом, смуглый, темноволосый, с такой же коротко остриженной бородой и усами подковой. Глаза глубоко посаженные, почти чёрные. Сам тоже сухощавый, но черты лица не такие резкие и хищные, как у Белого Хазарина.

– Твой поход был удачен? – Спросил Борух, беглым взглядом окинув остановившийся караван.

– Какое там! – Отмахнулся Белый Хазарин. – Сакалибы совсем обнаглели. В лесах прячутся, платить не хотят. А вон тот… – он ткнул хлыстом в сторону Радомира, – убить меня хотел.

– Зачем же ты его с собой везёшь? Там бы и оставил… в назидание остальным.

– Остальных вороны доедают, – сказал Рафаил. – А этот смелый, дерзкий. Пусть поживёт пока. Если не сдохнет, будет хороший боец.

Борух с сомнением посмотрел на Радомира и покачал головой.

– Что это там у тебя за народ? – спросил Рафаил, кивнув в сторону пристани.

– Да вот конницу прислали, тридцать всадников. Можно подумать они меня спасут.

Отряд неспешно двинулся в сторону крепости. Она представляла собой огороженное валом и частоколом пространство, посреди которого возвышался громадный сруб с крытой площадкой для лучников наверху. Теперь было хорошо видно, что часть частокола разобрана, на валу суетятся рабочие, а рядом сложены новые, свежеструганные брёвна.

– Дыры латаешь? – Белый Хазарин кивнул в сторону стройки.

– Новый вал насыпали, – сказал Борух. – Повыше. И ров поглубже.

Они ехали впереди, стремя в стремя. Остальные следовали за ними.

– Опасаешься чего-то?

– Плох тот командир гарнизона, который ничего не опасается.

Дорога сначала шла под гору, а потом начала круто подниматься вверх. Внизу, у пристани отряд конницы уже закончил выгрузку.

– Сколько у тебя людей? – Рафаил взглядом опытного воина осматривал укрепления. Судя по выражению лица, они его не сильно впечатлили.

– Полсотни, – Борух поморщился. – Наёмники. Ненадёжный контингент, сам знаешь. И все с причудами. Арсии не хотят сражаться пешком, сакалибы не хотят сражаться на конях, русии не хотят сражаться против своих…

– У тебя и такие есть?

– Нет, русиев нет. Опасный народ. С ними дел лучше не иметь.

– Думаешь?

– Уверен.

– Но зато у тебя теперь есть конница.

– Что толку от конницы, если она заперта в крепостных стенах?

– Тоже верно.

Здесь, наверху было ветрено. Ветер трепал плащи всадников, волчьи хвосты на шлемах печенегов и знамёна с изображением солнца над крепостными воротами. Но, когда они въехали в ворота, ветер сразу стих.

– Там, в роскошных садах Атиля, они совершенно не понимают, что происходит здесь, на дальнем рубеже, – Борух соскочил с коня и отдал поводья слуге, который возник рядом так, словно вырос из-под земли. – Никто, кроме сборщиков дани, вроде тебя, не появляется в этих местах. Мы здесь предоставлены сами себе, зажатые между лесом и степью. Боюсь, случись что, нам даже на помощь никто не придёт.

– Я буду говорить с правителем, – тоже сойдя с коня, сказал Рафаил, – и доведу до его ведома положение дел.

– А каково оно на самом деле? – Борух усмехнулся. По выражению его лица было видно, что ответ ему заранее известен.

– Мы не контролируем земли за Данапром. Правый берег давно живёт своей жизнью. Немногие, вроде меня, ещё рискуют отправляться туда, но уходить слишком далеко на запад опасно.

– Баджнаки? Мадьяры?

– Баджнаки правобережья нам не подчиняются. Как и мадьяры, с которыми теперь всё чаще приходится воевать.

– Но ведь дело не только в этом?

– Да, не только.

– Пойдем, выпьем вина. Тут один мой старый друг привёз несколько бурдюков отличного вина из самого Дербента. Жаль оно быстро заканчивается. Здесь такого не достать.

Когда по грубой, но крепко сбитой лестнице через квадратный люк в полу они поднялись в самое верхнее помещение сруба, служившее одновременно командным пунктом и местом обитания начальника гарнизона, Борух достал два больших серебряных кубка и наполнил их вином.

Жилище это было более чем скромным. Большая, почти пустая комната без малейших следов роскоши. Вдоль голых бревенчатых стен несколько сундуков разной величины, которые одновременно служат и скамейками и кроватями. Во всех четырёх стенах прорезаны окна, чтобы не выходя отсюда можно было обозревать окрестности во всех направлениях. В углу стойка с оружием – несколько луков и копий, шлем, кольчуга, щит с изображением солнца и два меча.

– Я прикажу зажарить барашка, – сказал Борух.

– Да, я не прочь перекусить, – кивнул Рафаил.

Вино было действительно превосходное, но чересчур сладкое. Он подошёл к окну и наблюдал как отряд конницы, подобно змее, медленно втягивается в крепостные ворота.

– Торговля идёт? – Спросил Рафаил, отхлебнув вина.

– Какая тут может быть торговля, – скривился Борух. – Наши привозят вино и шёлк, выменивают у местных на меха. Румейские купцы сюда не доходят, боятся плавать через пороги. Часто в последнее время приплывают русии, но у них всё тот же товар – меха и рабы. А покупать некому.

– Русии сильно продвинулись на юг. Это меня беспокоит.

– Они обосновались совсем недалеко, до этого места дней десять пути вверх по реке. В хорошую погоду даже меньше. Раньше они там только зимовали, теперь живут постоянно. Построили что-то вроде крепости на горе. Мои шпионы сообщают, что там уже несколько

десятков домов и полтысячи людей, в том числе женщины и дети. А раз привезли женщин, значит, решили обосноваться надолго.

– И что они?

– Пока сидят тихо. Приплывают сюда торговать. Попутно грабят местных. Но мы с этим ничего поделать не можем… Нет, не здесь, дальше, на севере. Здесь сакалибы под нашей защитой. Они снабжают нас продовольствием, мы защищаем их от врагов.

– Полагаю, им пока что никто особо не угрожает.

– Всё так. Мадьяры сюда не суются. А русии… Их слишком мало. Они приходят отрядами по двадцать-тридцать человек, продают, покупают, потом уходят обратно. На зиму они в Шамбате не остаются.

– Да, но их значительно больше в Булгаре и Атиле. Я бы даже сказал слишком много.

– Но они ведь и там только торгуют.

– Пока торгуют. Но ты ведь знаешь, однажды русии едва не захватили главный город румеев.

– То были другие русии. Говорят, они пришли с запада. И их было много. Хотя румеи наверняка преувеличили масштабы угрозы. Но в целом я разделяю твои опасения. Будь их здесь не десятки, а сотни или тысячи, нам стоило бы начать всерьёз волноваться. А пока…

– Это только начало. Они придут, Борух. И их будет много.

– Расскажи и об этом правителю.

– Непременно.

– Будет возможность, спроси его и обо мне.

– Ты же знаешь, я бы рад, но повлиять на решение твоего дела я не в силах. Но я буду стараться. Сделаю, что смогу.

Борух вздохнул и вновь наполнил опустевшие кубки.

– А где твой переводчик? – спросил он. – Весёлый такой парень… Не помню как его имя.

– Умер, – равнодушно отвечал Рафаил. – Тот парень, что пытался меня убить, воткнул ему кол прямо в глотку.

– Вот как! – Борух скривился. – Впрочем, туда ему и дорога.

– Именно так, – сказал Рафаил, подняв кубок.

– Ты его всегда недолюбливал.

– А кто любит предателей? Хоть в Книге Книг и сказано: «Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их – служить тебе»[1]. Однако сегодня они служат тебе против своих, а завтра кто знает, кому продадут твою голову.

– Всё так. Потому и я не люблю наёмников.

– Главное правильно их использовать. Муслимов против язычников. Язычников против румеев и муслимов.

– Было бы всё так просто, – Борух вздохнул. – А так, когда в одном месте сходятся наёмники из множества народов….

– Тогда беда.

– Да, беда.

Борух присел на крышку сундука, из которого он прежде достал кубки.

– Мир меняется, Борух, – сказал Рафаил. – В Атиле думают, что благоденствие будет длиться вечно, что можно вечно пить вино в тени шелковиц у журчащего фонтана, смотреть на танцующих рабынь и вечно пересчитывать золотые дирхемы, которые никогда не заканчиваются. Но племена вокруг нас шевелятся, как перезревший сыр. И стоит нам где-то дать слабину, как это брожение охватит все наши земли и положит конец нашему благополучию.

---

[1] Исаия, 60.10

– У тебя мрачные мысли, друг мой. Выпей-ка лучше ещё вина.

Пока происходил этот разговор, люди Рафаила и его пленники скучали в тени сруба во дворе крепости. Сруб занимал всю центральную часть не слишком обширного пространства внутри частокола. С одной стороны вдоль него тянулись коновязи под сплошным длинным навесом, с другой – небольшие постройки, полу-шатры, полу-шалаши, служившие, видимо, жилищами для обслуги.

Когда только отряд въехал в ворота, Радомир, в жизни своей не видавший подобных сооружений, спросил:

– Мы что, уже добрались? Это что уже Хазаран?

– Вот дурак человек, – сокрушённо покачал головой Гудим. – Мы в пути только третий день. До Хазарана дойдём, когда луна дважды сменится.

– Так долго? – поразился Радомир. – Это же на краю земли!

Рябой хмыкнул.

– До края земли топать и топать. Смешной ты, право слово.

Теперь они сидели на земле, у колеса телеги, поджав под себя ноги. Им выдали по кружке воды и по куску чёрствого хлеба. Видно, это и вся еда на сегодня.

– Ты откуда про Хазаран знаешь? – спросил Радомир, размачивая в воде горбушку.

– Знаю, – Рябой, щурясь, смотрел, как солнце опускается за острые колья частокола. Где-то стучали топоры, натужно хрипела пила. – Был тут один бродяга, шёл через нашу деревню позапрошлым летом. Говорит, забрали его хазары, и он там у них десять лет овец пас. А потом сбежал и домой пошёл, куда-то на север.

– Значит можно сбежать даже из самого Хазарана! – оживился Радомир. – А ты всё сгинем, сгинем…

– Как пить дать сгинем. Нас же не овец пасти волокут.

– А куда?

– Слышал я, – Рябой высыпал в рот последние крошки и наклонился к Радомиру, словно хотел поведать тому великую тайну, – что дадут нам рубахи железные, вон чисто как у печенегов, да копья и отправят воевать за ихнего хазарского владыку.

– Воевать?

– Ага, – запив хлеб водой, кивнул Гудим.

– Так мы ж не умеем!

– Так научат.

– А ежели они нам оружие дадут, а мы на них с этим оружием и нападём?

Гудим даже присвистнул.

– Ну ты и вправду дурак, – он снисходительно посмотрел на Радомира. С сочувствием, как на болезного. – Ты только попробуй, так тебя тут же изрубят. Знаешь сколько там тех хазар? Тьма!

Тем временем в ворота крепости, которые были как раз напротив, стали въезжать всадники. Вооружённые, будто на войну, в одинаковых наборных панцирях из продолговатых блестящих пластин, островерхих шлемах, правда, без волчьих хвостов, с щитами, булавами, копьями. Кони в железных налобниках, под кольчужными попонами. У каждого всадника в поводу ещё один конь, навьюченный разным военным скарбом.

– Видишь, какая силища! – сказал Рябой. – Куда нам с ними тягаться.

– Да, силища, – повторил Радомир, провожая взглядом всадников. И добавил: – А знаешь, я ведь бился с Белым Хазарином.

– Да ну!? – Рябой смерил его недоверчивым взглядом. – И что?

– И он меня побил.

– Вот! – Подняв палец вверх, важно изрёк Гудим. – Потому что он боец. А ты кто? Никто.

– Я на медведя с мужиками ходил, – обиженно буркнул Радомир.

– На медведя он ходил! И что? Много выходил?

– Завалили мы того медведя.

– Ты завалил?

– Нет. Мужики завалили. Я собак держал.

– Собак он держал! Герой! Медведя завалить это тебе не хазарина одолеть. Медведь он здоровый, сильный, да умом-разумом небогат. А хазарин хитёр, он тебя хитростью возьмёт.

– Хазарин с медведем не справится.

– Да он и не будет с ним бороться. Он что, дурак? Он печенегам своим велит его застрелить и дело с концом.

– Это ж нечестно!

– Ясное дело! На то он и хазарин!

Они помолчали. Солнце уже совсем ушло за частокол, и топоры перестали стучать. Два хазарина, спутники Рафаила, которые до сих пор топтались тут же, около повозок, куда-то пропали.

– Так, а где мы сейчас? – спросил Радомир, оглядываясь.

– Это ближняя крепость хазар, – Рябой прикрыл глаза и привалился спиной к колесу. – Там, на берегу две деревеньки и переправа. Мы сюда воск и мёд возили.

– Хазаран, наверное, втрое больше.

Рябой хохотнул.

– Нет, ну ты всё-таки совсем дурак! Втрое! Стократ больше! И дома там все каменные.

Тем временем из сруба появились Борух и его гость. Они неспешно шли вдоль коновязей и Борух попутно показывал своё хозяйство.

– Крепость невелика, – говорил он, – но сто человек гарнизона с прислугой можно разместить. Колодец в погребе под срубом. Там же запасы еды. Да, в общем-то, долгая осада нам не грозит. В случае нападения нам главное удержать крепость и переправу и зажечь сигнальный огонь. Через три-четыре дня подойдёт подкрепление… – последние слова Борух произнёс не слишком уверенно. А потом с невесёлой усмешкой добавил: – Если подойдёт…

– Я слышал, на той горе, что выше по течению, тоже была крепость.

– Да. Её сожгли мадьяры лет двадцать назад. Но там неудачное место, плохое для обороны. Здесь гораздо надёжней.

Они дошли до повозок и остановились.

– У тебя много пленных сакалибов, – сказал Борух.

– Одиннадцать.

– В Атиль повезёшь, на базар?

– Нет, Борух. Я воин, а не работорговец. Мужчины нужны в войске Солнцеликого, я взял их в тех поселениях, где не заплатили дань в минувшем году. А женщины достались по случаю, сам не знаю что с ними делать. Может, ты заберёшь?

– Ну… – Борух прищурился и оценивающе посмотрел на товар. – Сколько хочешь за них?

– Я не торговец, – повторил Рафаил. – А золота и серебра в моём доме и так достаточно. Дай мне провиант в дорогу, на том и разойдёмся.

– Провиант я тебе и так дам, – сказал Борух. – Как другу, а не как сборщику податей. А за этих… Если не хочешь золота, возьми тогда четыре бурдюка того вина, которым я тебя угощал. По одному за каждую.

– Вино отличное, и я приму от тебя этот дар, – Рафаил приложил правую руку к сердцу и слегка поклонился.

Тут же позабыв о пленных, они пошли дальше, продолжая свой разговор.

– Ну что, сестрёнка, – сказал, провожая их взглядом Рябой, – будем с тобой прощаться.

– Что такое? – спросил Радомир, который языка хазар совсем не понимал.

– Да баб он здесь оставляет, – махнул рукой Гудим. – Вроде как тому чернявому их продал.

Девки на телеге загалдели. Смеляна соскочила на землю, присела рядом с братом, обняла его за шею.

– Да ладно, чего там, – Рябой погладил её по волосам. – Хоть так хоть эдак разлучили бы нас с тобой. Не тут, так потом. Но ты не горюй. Если вырвусь, за тобой вернусь обязательно!

Рафаил и Борух между тем дошли до ворот, которые уже запирали на ночь.

– Я отправлюсь в путь на рассвете, – сказал Белый Хазарин.

– Мог бы погостить день-другой. У нас тут тоска смертная. А такие гости вообще редкость.

– Не могу. Тороплюсь попасть домой на свадьбу сына. Каждый день на счету.

– Тогда пусть будет так, – с сожалением произнёс Борух. – Я завтра сам провожу тебя до переправы.

7.

Отряд выступил из крепости ещё до восхода солнца, когда на востоке только-только начало сереть небо. Было сыро и холодно. По берегу от реки поднимался молочно-белый туман, в котором тонули колёса повозок и копыта коней.

Борух проводил их до самого конца деревянной пристани. Там они с Белым Хазарином обнялись на прощание и Борух сказал:

– Удачного пути тебе, друг. Надеюсь, следующим летом увижу тебя снова.

– Я вряд ли теперь поеду на дальние рубежи, – покачал головой Рафаил. – Меня всё больше тянет домой, в южные степи. Так что жду тебя там.

– Верю, что так и будет. Если на то будет воля Всевышнего… и добрая воля нашего правителя.

Так они и расстались.

На паром сначала погрузились хазары, половина печенегов и пленники. Остальные с повозками остались ждать, потому как перевезти всех за один раз было невозможно. Рафаил бросил короткий взгляд на крепость, очертания которой смутно угадывались в предрассветных сумерках. Потом посмотрел на пристань. Туман поднимался над водой до самых досок, поэтому казалось, что стоящий на них Борух парит в воздухе.

– Прощай, Борух, друг мой, – вполголоса произнёс Рафаил. – Прощай и удачи тебе!

Внезапный порыв ветра нагнал с реки ещё больше тумана. Пристань и замершая на ней тёмная фигура исчезли за дымной пеленой. Неожиданно громкий и резкий крик какой-то птицы пронзил тишину.

Рафаил заложил руки за пояс и неспешно перешёл в переднюю часть парома. Из-за тумана реки совсем не было видно, и только редкие всплески напоминали, что там внизу, под брёвнами вода.

– Благослови! – Подняв глаза к небу, произнёс Рафаил и забормотал едва слышно молитву.

Когда он окончил молиться, впереди в тумане засветились огоньки редких костров.

Хазарин первым сошёл на берег и тут же велел развести огонь. Пока остальные выгружались, он ходил туда-сюда по песку, время от времени подбирал гальку, бросал её в туман и слушал, как она ударяется о невидимую воду.

Рассветало. Дым костров смешивался с туманом и стелился по земле.

– Воистину земля тесна и все дороги сходятся в одном месте! – голос заставил хазарина вздрогнуть и обернуться. От ближнего костра к нему спешил, вскинув в приветствии обе руки, невысокий полный человек.

Рафаил сощурился, присматриваясь, а потом шагнул ему навстречу.

– Друг Шимон, ты ли это, старый прохиндей?

– Я, а кто ж ещё!

Человек был небольшого роста, почти что на голову ниже Рафаила. Лицо испрещенное морщинами, сильно загорелое, пышная чёрная борода с неровными клоками седины не давали точного представления о его возрасте. Его фигуру скрывала широкая длинная одежда без пояса, из-за чего он казался значительно ниже и толще, чем это было на самом деле. Он двигался быстро и в каждом его движении угадывалась бешенная энергия.

– Вижу, торопишься обратно в Атиль, – снова заговорил Шимон. – Ну как, удачным был твой поход?

Они трижды обнялись.

– Поход был обычным, – сдержанно ответил Рафаил. – А ты ждёшь свою очередь на переправу?

– Ой вэй, нет, я плыву на север речным путём. Там, – Шимон махнул рукой куда-то в направлении берега, – мои лодки с товаром.

– На север?

– Да, друг мой. Я побывал в двух столицах мира, в Багдаде и Константинии. А теперь прямо из страны румеев плыву на север…

– Из Константинии? Через пороги?

– Ну я же не какой-то трусливый румей, – самодовольно усмехнулся Шимон. – Я не боюсь трудных дорог и поджидающих там опасностей. И мне известно, в какое время года и где можно пройти через пороги с минимальным риском.

– К тому же, – добавил он с хитрым выражением лица, – вожди баджнаков мои друзья, они покупают у меня шёлк и вино. И по очень выгодной цене, поверь мне.

Рафаил усмехнулся.

– Выгодной им или тебе?

– По обоюдовыгодной, – с лукавой улыбкой ответил купец. – Давай присядем. В ногах правды нет.

Он указал на лежащее в двух шагах бревно.

– И куда же ты держишь путь? – Рафаил подобрал полы своего белоснежного плаща и сел. – На севере нет ничего, только леса, кишащие грязными варварами.

– Я слыхал, что по этой реке можно пройти в земли северных людей, русиев, не заходя в страну булгар. Их правителя зовут то ли Хэлгу то ли Элгу, у него тысяча воинов и он живёт во дворце на острове на краю земли сакалибов. Туда два месяца пути.

– Чем же плох безопасный путь через земли булгар, по которому ходят все купцы?

– Булгары требуют свою долю за торговлю на их земле. А если я разведаю прямой путь на север, то мне не надо будет делиться с булгарскими посредниками.

– Ты рисковый человек, Шимон.

– Торговля всегда риск.

– Что ж там, на севере такого ценного, ради чего ты готов рисковать своим золотом и своей жизнью?

– Да всё то же. Роскошные меха, рабы, прекрасные северные женщины, пышногрудые, ясноглазые и золотоволосые. И всё это почти даром. Они готовы обменивать всё это на сладкое вино, китайский шёлк и золото. О, русии очень любят золото! Ради золота они плывут по рекам в Булгар, Атиль, по морю в Константинию. Ты не поверишь, но я видел русиев даже в Багдаде!

– Я всегда говорил, это опасный народ, – покачал головой Рафаил. – Они ещё не показали себя, но их стоит опасаться.

– По-моему, опасаться больше надо баджнаков, – возразил Шимон. – А ещё больше мадьяр. Они настоящий враг торговли и мирных ремёсел.

– Этих, – Рафаил кивнул в сторону своих печенегов, которые возились около костра, – я не боюсь. Я им не доверяю, но не боюсь. Они грабят караваны и убивают купцов. Но они не торгуют сами и не строят городов. Они кочевники. Народ, который вечно в пути.

– Но русии такие же кочевники, – возразил Шимон. – Они так же кочуют, но не по степи, а по рекам.

– Ты ошибаешься, друг мой. Они не кочуют. Везде, куда они проникают, они стараются закрепиться надолго. Когда куда-либо приходят мадьяры, они ставят шатры, которые всё время возят с собой. Потом они их складывают в повозки и увозят. И они не знают вернутся ли в это место опять. Когда же приходят русии, они рубят деревья и строят дома. А потом следом за ними приходя новые русии, привозят с собой женщин и детей. И их становится всё больше и больше. Со временем они занимают всю землю вокруг, устанавливают там свой закон и говорят, что это их земля. К тому же русии проникают в самые дальние земли, куда ни мадьяры, ни гузы, ни баджнаки никогда не доберутся. Ты же сам говоришь, что видел их даже в Багдаде.

– Ой вэй! – Шимон воздел руки и глаза к небу. – Они такие же торговцы, как и мы. Иногда, конечно, они позволяют себе немного бесчинствовать, но больше времени торгуют. Они любят золото и готовы идти за ним на край света!

– Как и ты, Шимон, – Рафаил усмехнулся.

Купец в ответ только развёл руками.

Рафаил оглянулся назад. Там, над берегом, над далёким лесом всходило солнце. Его лучи разгоняли остатки тумана, и он таял на глазах, по заросшим кустами ложбинкам стекая в реку. Река, всё ещё скрытая молочно-белой пеленой, огромной змеёй извивалась между густых камышей, неся свои воды с неведомого севера на юг, к Румейскому морю. Хазарин перевёл взгляд с пробуждающегося левого берега туда, где в сумраке терялось верхнее течение реки, и сказал:

– Однажды, Шимон, солнце взойдёт на севере, и его сияние ослепит и испепелит нас.

Он поднялся. Купец остался сидеть, снизу вверх недоверчиво глядя на собеседника.

– Ой вэй! – Воскликнул он. – Зачем так пугаешь?

Хазарин не ответил. С причалившего к берегу парома выкатывали телеги.

– Мне пора, Шимон, – сказал Рафаил. – Надеюсь, твой путь будет удачным.

– Пусть твой будет удачен не меньше!

Они простились и разошлись в разные стороны. Хазарин к своему отряду, а Шимон к своим лодкам.

8.

Радомиру никогда не доводилось так долго и далеко ходить. На пятый день пути его разбитые в кровь ноги болели не переставая. А ещё через пару дней он вообще перестал их чувствовать.

Они шли от рассвета до заката, не быстро не медленно, всё время с одной и той же скоростью, делая несколько коротких остановок днём и разбивая лагерь на ночь. Сначала двигались по дороге, вдоль которой кое-где попадались небольшие постройки вроде шалашей на высоких столбах.

– Сторожевые вышки, – пояснил Рябой. – Когда приближается враг, хазары зажигают на вышке сигнальный огонь. С другой вышки его видят и точно так же зажигают огонь у себя. Так и передают сигнал от вышки к вышке до самого Хазарана.

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросил Радомир.

– Люди рассказывали.

– А кто у хазар враги?

– Да кто его знает. Есть, наверное.

Потом дорога кончилась. Отряд шёл через степь, по каким-то неприметным постороннему глазу отметинам. А может и просто по солнцу.

Когда отряд останавливался, Радомир замертво падал у колёс телеги и впадал в забытье, из которого его с трудом возвращал к жизни настойчивый голос Рябого:

– На, поешь, а то охлянешь совсем.

Через силу затолкав себе в рот кусок чёрствого хлеба и протолкнув его внутрь глотком воды, Радомир снова засыпал и беспробудно спал до рассвета. А утром, с первыми лучами солнца печенеги пинками поднимали пленников, и он снова обречённо плёлся за повозкой до следующего привала.

Пару раз вдалеке появлялись всадники. Увидав отряд, они некоторое время кружили на приличном расстоянии, а потом исчезали.

– Кто это? – спросил Радомир у всезнающего Рябого.

– Может печенеги, – пожал плечами тот. – Может ещё кто.

– Они нам не помогут?

– Дурак человек, – фыркнул Рябой. – На кой мы им сдались?

Он, в отличие от Радомира, похоже, совсем не чувствовал усталости. Шёл, что-то потихоньку насвистывая, зыркал по сторонам, время от времени лез с разговорами. Радомир его почти не слушал.

На двадцатый день к вечеру далеко впереди показалась тёмная полоска.

– Похоже на лес, – сказал Рябой. И тут же принялся рассуждать сам с собой: – А откуда посреди степи лес? Это только разве деревья, что растут вдоль реки. Значит, к реке вышли.

Когда слева возник неглубокий, но широкий овраг, по дну которого бежал ручей, он утвердился в своей догадке.

– Ручей в реку впадает, не иначе, – сообщил Рябой. – Эй, Радомир, мы к реке пришли!

– Какая разница, – безразлично отозвался тот.

До реки они не дошли. Остановились на ночлег у края оврага. Пока ставили шатры и разводили костёр, Радомир повалился в траву и снова впал в беспамятство. Рябой присел рядом.

В этот миг откуда-то, словно из-под земли прямо рядом с ними выскочил всадник и галопом промчался мимо костра. Видно, он прятался в овраге и потому никто его не заметил.

Печенеги схватились за луки. Всадник на скаку что-то прокричал на незнакомом языке и махнул рукой.

– Стреляй в него! – крикнул один из хазар, тот, который всё время ходил в блестящем нагруднике. Но печенег, к которому он обращался, отрицательно покачал головой и опустил лук. Хазарин закричал, затопал ногами и накинулся на него с бранью.

– Что там? – с трудом подняв тяжёлую голову, спросил Радомир.

– Да бранятся, – лениво жуя травинку, отозвался Гудим. – Мимо какой-то гусь проскакал, а печенег вон стрелять в него отказался.

– В гуся?

– Да не в гуся. Человек то был. На лошади.

– Аааа, – протянул Радомир и снова уронил голову.

Хазарин между тем продолжал кричать и размахивать руками, наступая на печенега. Тот насупился и молчал. Из шатра вышел Рафаил, прикрикнул на обоих.

– Тот человек на коне промчался мимо нас, – стал объяснять его разгорячённый товарищ. – Я велел стрелять, а он, – тут он ткнул пальцем в печенега с луком в руках, – а он отказался, сказал, что в своих не стреляет!

Рафаил нахмурился и задумчиво поскрёб подбородок.

– Его надо наказать! – продолжал горячиться второй хазарин.

– Накажи, – пожал плечами Рафаил и пошёл назад в свой шатёр.

Протяжный, долгий свист раздался в темноте. Кони тревожно заржали. Откуда-то из темноты, совсем близко им тоже ответило ржанье. Рафаил стремительно обернулся. Хазарин в блестящем нагруднике медленно оседал на землю и между глаз у него торчала стрела.

– Тревога! – крикнул Рафаил, обнажая меч.

Радомир приподнялся на локте.

– Что за… – забормотал он, ещё не вполне очнувшись.

– Давай сюда! – Рябой стал на четвереньки и торопливо заполз под телегу. Остальные пленники попадали на землю и лежали неподвижно. Связанные одной верёвкой, ни бежать, ни спрятаться они не могли.

– Измена! – вдруг раздался крик, и третий хазарин проскакал мимо телеги. Его лошадь, видно, уже успели разнуздать, поэтому он скакал без седла, уцепившись обеими руками за конскую гриву. Тут же печенег, до того отказавшийся стрелять в неизвестного всадника, быстро поднял лук и выпустил стрелу. Хазарин вскрикнул, взмахнул руками и свалился на землю, а его конь, почуяв волю, стремительно умчался в темноту.

Не успел печенег опустить лук, как Рафаил одним прыжком оказался около него. Молнией сверкнуло узкое лезвие кривого меча, и кровь струёй брызнула у печенега из горла. Не издав ни звука, он согнулся пополам и упал лицом в траву.

Рябой отчаянно шарил руками в телеге.

– Не то, – бормотал он, – не то…

Наконец он вытащил из-под мешков круглый глиняный горшок и с размаху саданул им по колесу. Черепки брызнули в разные стороны.

– Режьте верёвки! – крикнул он.

Дикий боевой клич, больше похожий на звериный вой, прокатился над степью. Точно такой же клич раздался в ответ из лагеря.

Пленники трясущимися руками похватали черепки. Кто-то освободился сразу, у кого-то не получалось. Двое так и побежали связанные друг с другом.

Радомир тоже дёрнулся было бежать, но Рябой больно стиснул его плечо и затянул обратно под телегу.

– Ты что! – попытался вырваться Радомир.

– Лежи! – прошипел Рябой. – Дурачьё пускай бежит. Сейчас же их похватают или порубят. А мы повременим.

Между тем перед их глазами развернулось жестокое и кровавое действо. Двое печенегов кинулись с мечами наголо на своего господина. И начался безмолвный и холодящий душу танец смерти, в котором Белый Хазарин оказался непревзойдённым мастером. Он двигался легко и стремительно, кружа вокруг костра и увлекая за собой печенегов. Вот он делает несколько шагов назад, уходя при этом влево, так, что его противники всё время оказываются друг за другом и не могут напасть одновременно. Ещё шаг влево, а потом внезапно вперёд. Его меч прочерчивает в воздухе сверкающую дугу, и первый печенег, издав короткий крик, падает навзничь. Второй начинает пятиться, что-то кричит, видно, зовёт на помощь. Из темноты с гиканьем вылетает всадник, подняв над головой топор. Белый Хазарин приседает и издалека кажется, что он вдруг стал вдвое ниже ростом. Топор мелькает над его головой, и в тот же миг хазарин распрямляется, разворачивается и наносит удар. Конь дальше мчится уже без всадника. Печенег, к которому хазарин теперь стоит боком, бросается на него, высоко подняв меч над головой обеими руками, но тот снова отступает, пригибается, пропуская мимо себя смертоносную сталь, и бьёт противника остриём прямо в лицо. Тот в предсмертной агонии отчаянно взмахивает руками и падает спиной прямо в костёр.

– Смотри, четверых положил! – восхищённо произнёс Радомир, не сводя глаз с меча в руках Белого Хазарина. – Слушай, может, подсобим ему?

– Дурак он и есть дурак, – Рябой только сильней стиснул его плечо. – Лежи!

– Хватит меня дураком обзывать! – буркнул Радомир, послушно вжимаясь в землю.

Навстречу Рафаилу выскочили ещё два печенега, оба с копьями. Он же стоял неподвижно, держа меч в опущенной руке, и ждал, когда они нападут.

– Неужели и этих порубит? – едва шевеля губами, пробормотал Радомир.

– Нам-то что, – сердито буркнул Рябой. – Он порубит аль его. Сейчас закончат, за нас примутся. Так что теперь уж побежим.

Печенеги напали одновременно, и казалось, в этот раз Белому Хазарину не уйти. Но он каким-то чудом оказался между двух копий, которые пронзили лишь пустой воздух.

– В степь бежать нельзя, там печенеги, – горячо задышал в ухо Радомиру Рябой. – Побежим к реке. Если успеем, там уж не достанут.

Белый Хазарин тем временем перехватил левой рукой древко одного копья, дёрнул на себя. Печенег качнулся следом за копьём, потерял равновесие и едва не упал. Не успел он выпрямиться, как хазарский меч рассёк ему плечо.

– Бежим! – скомандовал Рябой. И они побежали. На миг Радомир оглянулся. Он успел увидеть, как ещё два печенега выскочили из темноты за спиной у Белого Хазарина и разом ударили его копьями, так, что оба острия вышли спереди. Тут же стоявший перед ним печенег ткнул его в грудь своим копьём. Хазарин покачнулся, стал медленно опускаться на колени, да так и остался стоять, подпёртый с двух сторон печенежскими копьями.

– Чего они не поделили-то? – спросил Радомир, когда они наконец отдышались. Погони не было. Они сидели под раскидистыми ивами у самой воды. Где-то квакали лягушки.

– Да кто их поймёт, – сказал Рябой, сосредоточенно выковыривая колючку из пальца на ноге. – Печенеги ведь не все по доброй воле хазарам служат. Эти может, решили уйти к своим. А там кто знает.

Река была неширокая, вдоль берегов сплошь заросшая густым камышом. Деревья низко нависали над водой и сквозь их переплетенные ветви не было видно звёзд.

– Как думаешь, где мы? – снова спросил Радомир.

– Я по чём знаю? – Рябой наконец справился с колючкой, завалился на спину и закрыл глаза. – Далеко ушли. Кругом степь, места всё дикие, люди тоже. Ну да авось не пропадём.

– Куда пойдём-то?

– Надо поспать, – Рябой в этот раз был не расположен к беседе. – Утром видно будет.

9.

Радомир проснулся от звука голосов. Да нет, почудилось, подумал он. Вокруг было тихо и темно, словно в погребе. И тут вдруг впервые за много дней Радомиру вдруг сделалось страшно. Он не боялся, когда шёл в женском платье со стариком Боголюбом в хазарский лагерь, не испугался, когда хазарский меч коснулся его шеи. И во время долгого пути по степным дорогам не было страха, только безнадёжное отчаяние и тоска. А сейчас его охватил страх. Ему чудилось, что со всех сторон подступают какие-то зловещие тени, чьи-то глаза пристально смотрят из темноты, чьи-то руки тянутся из-за деревьев. Радомир почувствовал как противный холод пополз по спине, руки предательски задрожали, а к горлу подступила тошнота.

– Гудим! – негромко позвал он. – Эй, Гудим!

– Чего тебе? – Рябой нехотя повернул голову и приоткрыл один глаз.

– Что так тихо?

– Ну тихо, да и что с того. Перед рассветом всегда тихо. Спи, давай.

Радомир снова прилёг на подстилку из прошлогодних листьев, но сон не шёл. Заснул он только уже когда начало светать.

– Вставай! – голос Рябого раздался прямо над ухом.

– А?

Радомир от неожиданности дёрнулся и больно ударился локтем о торчащий из земли корень.

– Тихо! – прошипел Рябой, опасливо озираясь.

– Что такое?

– Дым, – коротко пояснил Рябой.

Радомир вдохнул влажный, прохладный воздух. Ко множеству разнообразных запахов примешивался ещё один – запах костра, какой ни с чем не спутаешь.

– Кто-то здесь есть, – Гудим привстал.

– Печенеги? – предположил Радомир.

– Чего конным в лес соваться? Нет, вряд ли.

– Может нас ищут?

– Да кому мы нужны. Да и если б искали, то не стали б костры жечь.

Рябой поднялся, обошёл вокруг дерева.

– Надо залезть, осмотреться, – сказал он, ухватился за толстую нижнюю ветку и стал карабкаться в гору.

– Ну что там? – спросил Радомир, когда Рябой, стараясь не шуметь, проворно спустился вниз.

– Там, вверх по течению, на берегу прогалина и вроде как большая лодка на отмели. Только никого рядом не видать.

– Может, пойдём посмотрим?

– Опасно идти. Кто знает, что там за люди.

– Печенеги по реке не плавают.

– Можно подумать только печенегов и стоит бояться, – скривился Гудим. – Лучше давай-ка потихоньку обойдём это место.

– Так может лучше тогда в другую сторону?

Гудим покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Река течёт на восход солнца, а значит вглубь хазарских земель. Нам туда не надо. Потому путь у нас один, вверх по течению.

Радомир согласно кивнул.

Они осторожно стали пробираться между деревьями, прислушиваясь к каждому звуку. Идти было трудно, потому что ветви деревьев, причудливо переплетаясь, создавали то там, то здесь непреодолимую преграду.

– Надо выбираться из зарослей, – сказал Гудим. – Пойдём по краю леса.

Некоторое время они карабкались в гору, хватаясь за ветки. Радомир разодрал в кровь руки, а Рябой будто заговорённый, ни одной царапины. «Как он так умудряется?» – недоумевал Радомир, вроде бы тоже привычный ходить по лесам.

– Стой! – Гудим, шедший впереди, вдруг замер и присел.

– Что? – тоже пригибаясь пониже, спросил Радоми.

– Вроде идёт кто-то… Тише!

Рябой стал прислушиваться. Вот хрустнула ветка. Ещё раз. А потом впереди, в просвете между деревьями, где ярко синело утреннее небо, мелькнула тень.

– Назад! – скомандовал Рябой.

Но назад не получилось. Только успели они повернуться, как в двух шагах перед ними между деревьев возник человек. Ростом он был невысок, но сильно широк в плечах, так, что казалось, кожаная рубаха на нём вот-вот треснет. Лицо его сверху до половины скрывал полукруглый шлем с массивным наносником и полумаской, а снизу – густая рыжая борода, которая росла будто прямо от глаз. В руках человек держал короткое копьё с широким наконечником.

Он что-то крикнул, коротко и отрывисто на непонятном языке и угрожающе поднял копьё. Из-за его спины тут же показались ещё двое, тоже в кожаных рубахах, шлемах и с копьями в руках. У одного за спиной висел большой круглый щит.

Рябой было попятился, но тут же почувствовал, как что-то твёрдое упёрлось ему между лопаток. Чуть повернув голову, краем глаза он разглядел позади себя четвёртого. Это его копьё тыкалось ему в спину. Рябой опустил голову и обречённо вздохнул.

Язык чужеземцев был груб и резал слух. Когда пленников древками копий загнали в лодку, человек в красном плаще, видно, предводитель шайки, оглядел вновь прибывших, что-то отрывисто произнёс и постучал ладонью по рукояти торчащего из-за пояса ножа.

– Знать бы, что он говорит, – пробурчал Рябой.

– Он говорит, что если вы побегите, он вырежет вам печень и скормит собакам, – раздалось из лодки.

Радомир огляделся. Лодка была большая, шагов двадцать в длину, но узкая, с высоко задранным носом, который украшала искусно вырезанная из дерева голова какого-то диковинного зверя. На дне лодки среди кожаных тюков полулежали два мужика. У того, что говорил, руки были крепко скручены спереди кожаным ремнём.

Предводитель что-то снова сказал, глядя на пленных. Его голос почему-то показался Радомиру похожим на собачий лай.

– Он говорит, чтобы вы сели и не поднимались, – пояснил мужик со связанными руками.

Парни опустились на дно лодки. Пришельцы, а было их человек пятнадцать, столкнули лодку на воду, попрыгали в неё и стали доставать уложенные вдоль бортов вёсла. Лодка медленно заскользила по течению.

– Это кто такие? – спросил у мужика Рябой.

– Мурмане, люди с севера, – ответил тот.

– А вы тут откуда?

– Оттуда же откуда и вы, – криво усмехнулся мужик.

– А куда нас везут?

– А дорога тут одна, – отозвался второй мужик. – К хазарам.

– Как к хазарам? – встрепенулся Радомир.

Рябой подтянул поближе какой-то тюк и сунул его себе под голову. Устроившись поудобнее, он пробормотал:

– Судьбу не проведёшь. Раз судьба решила к хазарам, значит к хазарам.

И тут же крепко заснул.

Глава 2.

1.

Рано утром со стороны моря ветер пригнал большую чёрно-сизую тучу, и летняя гроза стремительно пронеслась над фиордом, обрушив потоки ливня на отвесные береговые скалы. Но буря была недолгой, и небесные кони вновь вынесли на небо свою огненную колесницу. Крупные капли дождя жемчужными ожерельями запутались в листве и траве и теперь то тут, то там вспыхивали в лучах солнца волшебным блеском.

– Когда-нибудь я привезу тебе тысячу таких жемчужин, только настоящих, – сказал Ингвар, смахнув с повисшей прямо перед ним ветки сверкающие капли.

– Где же ты их возьмёшь? – склонив голову на бок, спросила Асню.

– Будущей весной я наконец-то поступлю на службу к конунгу. В этот раз уже точно.

Внезапный порыв ветра качнул дерево, под которым они прятались от дождя, и множество капель разом сорвались вниз. Асню вскрикнула и побежала прочь по мокрой траве, и подол её синего платья тут же тоже намок и теперь казался совершенно чёрным.

– В дружину конунга не берут кого попало! – крикнула она и её смех сотней серебряных колокольчиков отозвался среди деревьев.

– Я не кто попало! – Ингвар помотал головой, стряхивая воду с волос, и погнался за ней. – Мой отец служил ярлу Аскелю и вместе с ним погиб, сражаясь с финнами!

Асню, звонко хохоча, продолжала бежать прочь.

– Стой! – Крикнул Ингвар.

– Догоняй! – Крикнула она в ответ и снова засмеялась.

Дубовое редколесье закончилось. Прямо перед ними сочно-зелёный склон холма круто уходил в ярко-синее небо. Поднявшись до половины, Асню остановилась.

– Я устала! – громко сказала она.

Догнав девушку, Ингвар легко подхватил её на руки и понёс вверх.

– Ты уронишь меня! – Асню взбрыкнула ногами в воздухе. Её расшитый бисером башмачок слетел с ноги и исчез в густой траве.

– Видишь, что ты натворил! – Асню надула губы. – Теперь мне придётся ходить босиком!

– Не придётся, – сказал Ингвар. – Я буду всё время носить тебя на руках.

– Ах вот как! – Асню хитро улыбнулась. – Ну смотри же, потом не отпирайся!

Она дёрнула ногой, и второй башмак улетел вслед за своим братом-близнецом.

– Неси!

Они оба недавно встретили свою шестнадцатую весну, и все на хуторе знали, что Торстейн, приёмный отец Ингвара, сговорился с родителями Асню, чтобы поженить их ближайшей осенью, сразу после сбора урожая.

Ингвар легко побежал по склону, словно в его руках его был мешок гусиного пуха.

– Осторожней, – лицо Асню вдруг сделалось серьезным, и она заговорила тише. – Не тяжело? Двоих ведь несёшь.

Ингвар остановился.

– Правда что ли? – он озадаченно выгнул бровь.

– Правда, – тихо сказала Асню. А потом вдруг вырвалась из его рук и побежала вверх.

– Не передумал брать меня в жёны, Ингвар сын Ингимара? – крикнула она и вновь залилась звонким смехом.

Он догнал её только на вершине холма, откуда открывался вид на фиорд. Вновь налетевший ветер растрепал волосы Асню и они взметнулись языками золотого пламени, а потом

в беспорядке рассыпались по плечам. Ингвар обнял её и крепко прижал к себе, и они долго стояли так, глядя на подёрнутую лёгкой дымкой водную гладь залива.

Мир за пределами фиорда огромен. Если выйти в море и плыть через Эйстрасальт[2] на восток, вскоре можно достичь диких земель, где живут финны, венеды и кирьялы. А если плыть на запад, то, миновав Йотландцкаф[3] и земли данов и фризов, можно попасть в страну Валланд[4], где на обширных равнинах под южным солнцем зреет виноград и пасутся огромные стада скота. Если же продолжить путь дальше на юг, то через Нёрвасунд[5] попадёшь прямо в Срединное море, а по нему можно доплыть до Рума и до самого Миклагарда[6], города городов, где, как говорят, даже улицы вымощены золотыми плитами. Однажды в доме приёмного отца Ингвара гостил человек, который рассказывал, как однажды викинги чуть было не взяли его приступом. Случилось это давно, может тридцать, а может и сорок зим назад. Тот человек был уже не молод, а в том походе впервые сел на скамью для гребцов наравне с другими воинами. Тогда собрался большой флот в две сотни кораблей, хотя многие потом говорили, что их было целых две тысячи. Выбрав удачный момент, викинги неожиданно напали на город, так что там едва успели запереть ворота. Греки, так называют жителей тех мест, загородили вход в бухту Сьявидарсунд[7] огромной железной цепью, но викинги перетащили корабли по суше и подступили вплотную к стенам. Тогда греческие колдуны воззвали к своим богам и те наслали страшную бурю, которая разбросала флот пришельцев. Много людей и кораблей утонули, остальные ушли ни с чем. Говорят, что после этого немало викингов приняли греческую веру, потому что боги греков оказались сильней их богов.

– Смотри! – Асню показала рукой туда, где скалы расходились широко в стороны и за ними открывался необъятный морской простор. Там, едва различимые на таком большом расстоянии, скользили по волнам вглубь фиорда два корабля. Судя по очертаниям бортов, это были не купеческие кнарры.

– Это не торговцы, это боевые драконы. – Ингвар прикрыл глаза рукой, потому что солнце мешало ему смотреть. – Может люди хёвдинга возвращаются из Уппсалы.

– Пойдем, взглянем! – предложила Асню. – Мы спустимся быстрей, чем они доплывут!

2.

Корабли шли вслед за приливом, поэтому вёсла и парус были убраны. Были также сняты с форштевней головы драконов, а на мачте идущего впереди судна поднят в знак мирных намерений большой белый щит.

В этой части фиорда пристать к берегу можно было только в одном месте, там, где скалы расступались, и между ними по каменистому склону от хутора вниз к самой воде спускалась широкая, хорошо утоптанная тропа. Здесь, на песчаной отмели сонно грелись на солнце несколько лодок и два грузовых кнарра. Рыбаки, чинившие сеть, бросили свою работу и стояли у самой воды, разглядывая приближающиеся корабли. А сверху, с хутора шли ещё люди, спешившие посмотреть на нежданных гостей. Арнбьорн Левша, человек хёвдинга, уже был здесь, с мечом на поясе и в сопровождении двух вооружённых мужчин.

---

2 Балтийское море

3 Пролив Каттегат

4 Франция

5 Гибралтар

6 Константинополь

7 Залив Золотой Рог

Когда Ингвар и Асню, держась за руки, спустились к берегу, корабли уже подошли совсем близко и гребцы, по пояс в воде, затаскивали их на отмель.

– Это не корабли ярла, – сказал Ингвар.

Стейни-ярл, главный человек этих мест, держал при себе четыре боевых дракона, но борта у них были выкрашены в синий цвет, а штевни в белый. Эти же корабли были некрашеные и, похоже, недавно построенные, потому что дерево ещё не успело потемнеть.

Первый корабль между тем, заскрипев днищем, лёг на песок и двое мужчин стали прилаживать к его борту сходни. Не дожидаясь пока они закончат, высокий, худощавый человек, видимо, предводитель, соскочил прямо в воду и вышел на берег. Его вид и одежда обличали в нём воина. Синий шерстяной плащ, обшитый по краю красной тесьмой, был пропущен справа под плечом, чтобы правая рука всё время была свободна, и застёгнут на груди большой серебряной пряжкой. Слева под его складками угадывался меч, прицепленный к широкому поясу. Длинная кожаная рубаха спереди, на груди была обшита массивными железными пластинами, каждая размером с ладонь.

Гость был крепок, статен и высок. Светлая слегка курчавая борода коротко острижена, а волосы наоборот длинные, почти до плеч. Синие глаза открыто смотрели из-под тонких, как у женщины бровей, а лицо слегка вытянутое, было, пожалуй, слишком бледным даже для северянина

Пройдя несколько шагов, гость остановился, взглядом выискивая среди собравшихся главного – того, к кому следовало обратиться в первую очередь. Арнбьорн Левша, предупредив его намерение, сам вышел вперёд и поднял руку в знак приветствия.

– Моё имя Арнбьорн сын Хедина, и я человек здешнего хёвдинга, Стейни-ярла, – сказал он.

– Я Хёскульд сын Дюри, – учтиво ответил гость, приложив руку к груди и слегка поклонившись. – Я и мои люди все родом из Трандхейма[8].

– Что же привело тебя в наши края, Хёскульд сын Дюри?

– Мы плывём на восток и намерены пересечь Эйстрасальт в поисках богатства и славы. К вашему берегу мы завернули, чтобы передохнуть и пополнить запасы для дальней дороги.

– В наших местах не очень жалуют викингов, а вы, судя по всему, самые что ни есть викинги, – произнёс Арнбьорн, и при этих словах гость усмехнулся. – Но мы никому не отказываем в гостеприимстве, и если вы пришли с мирными намерениями, то можете оставаться здесь сколько угодно.

Хёскульд снова приложил руку к груди и поклонился.

– Что же касается запасов в дорогу, то тут дело обстоит не так просто, – продолжал Арнбьорн. – В прошлом году был плохой урожай, наши кладовые опустели…

– Мы заплатим серебром! – сказал Хёскульд.

– Не всегда серебро может помочь, – развёл руками Арнбьорн. – Поглядим, что можно для вас сделать. А пока милости просим. Мой дом – ваш дом.

Хёскульд поклонился в третий раз и отошёл к своим кораблям.

– Не стоит брать у него серебро, – вполголоса сказал Арнбьорн, наклонив голову к стоявшим рядом Торстейну и Стейнольву, двум самым знатным бондам. – Наверняка они кого-нибудь ограбили по дороге сюда. Иначе откуда у них серебро?

Те в ответ согласно закивали.

– Разведём их по разным домам, – предложил Стейнольв. – Мало ли что у этих викингов на уме.

3.

[8] Область в центральной Норвегии

Хутор составляли четыре длинных дома, к которым лепились со всех сторон хозяйственные постройки и хижины батраков. Один дом принадлежал Арбьорну, другой приёмному отцу Ингвара Торгрейву, два других – Стейнольву и отцу Асню Хравну. Дома стояли, вытянувшись в сторону фиорда, по углам ровной площадки, и по прямой расстояние между ними было не больше двадцати шагов.

Как уговорились между собой хозяева, гостей развели по разным домам. Само собой, Арнбьорн позвал Хёскульда к себе. Но поскольку погода была тёплая и сухая, вечернюю трапезу устроили прямо на улице. На свободном месте между домами разложили несколько костров и вокруг них на брёвнах расселись хозяева и гости. Тут же на вертеле жарили дикого кабана, которого днём добыли охотники, и аромат жареной дичи расползался вокруг, дразня аппетит. Рабы срезали куски мяса и раскладывали их на большом блюде, которое потом обносили по кругу и каждый брал сколько хотел. Из домов выкатили бочонки с пивом и брагой. Рабы черпали напитки большими деревянными ковшами и точно так же обходили сидящих по кругу, наполняя их кубки.

Хёскульд сидел рядом с Арнбьорном, по правую руку от него, без плаща, в простой белой рубахе и, разумеется, без оружия. Дальше за ним разместился Торгрейв, а по левую руку от Арнбьорна – Стейнольв и Хравн.

– Вижу, не так уж плохи ваши дела, как ты говорил мне утром! – Хёскульд с усмешкой прихлёбывая пиво, кивнул на блюдо с мясом, которое обносили уже по четвёртому кругу.

– Сегодня повезло, а завтра может быть по другому, – тоже расплываясь в улыбке и погружая усы в пену, переливающуюся через край кубка, отвечал Арнбьорн. – Охотники затравили кабана и двух оленей. А зерна в амбарах нет совсем. И вяленой рыбы тоже.

– Да ладно, – наклонившись к Арнбьорну и хлопнув его по плечу, сказал Хёскульд, – мы не в обиде. Мы зашли на ваш хутор, потому что он ближе всего к входу в фиорд. Ничего, поплывём дальше, может в другом месте люди окажутся сговорчивей.

Арнбьорн отрицательно покачал головой.

– Нет. Урожай повсюду был плох.

Остальные бонды согласно закивали.

– Да, так и есть. Так и есть.

– Ну что же, – Хёскульд одним глотком осушил кубок и подставил его поспешно подошедшему рабу, – выпьем за то, чтобы будущий урожай в ваших краях был лучше предыдущего!

– Выпьем! – Арнбьорн поднял свой кубок.

– Выпьем! – подняли кубки Торгрейв, Стенольв и Хравн.

Сидевшие вокруг костра гости и домочадцы тоже стали поднимать кубки. Рабы засуетились, забегали туда-сюда, подливая пиво.

По другую сторону костра, прямо напротив Хёскульда сидел другой гость Арнбьорна, Хродвальд сын Бьорна из Ярнбераланда. Этот Хродвальд был важным человеком, дружинником самого конунга. Он прибыл с поручением к Стейни-ярлу и провёл некоторое время в его усадьбе. А потом Стейни-ярл собрал людей и уплыл в Уппсалу, а Хродвальд перебрался в дом Арнбьорна и застрял там на целых два месяца. Дел у него никаких на хуторе не было, только будто бы он ожидал каких-то важных вестей, а пока ел, пил в своё удовольствие да с важным видом прохаживался по хутору, иногда останавливаясь и глядя на фиорд, словно высматривая плывущий вдалеке корабль. Одевался Хродвальд всегда богато. Вот и сейчас он сидел в красивой красной рубахе, расшитой по краю бисером и золотой вышивкой, а на шее у него тяжело поблёскивала золотая цепь изящной работы с подвешенной к ней золотой же пластиной с выбитыми рунами.

– Я так понял, – заговорил Хродвальд, сквозь прыгающие языки пламени глядя прямо на Хёскульда, – вы викинги и отправляетесь в дальний поход.

Хёскульд повернулся на голос. Внезапно сильно разгоревшееся пламя помешало ему хорошо рассмотреть собеседника, но он успел заметить, что тот не старше его, высок, широкоплеч и красив лицом, будто герой древней саги.

– Я бы ответил тебе, добрый человек, – сказал Хёскульд сдержанно, – но не знаю с кем говорю, ибо имени своего ты не назвал.

– О, – Хродвальд усмехнулся, – я думал, что имя моё в этих местах достаточно известно, чтобы его лишний раз повторять. Но, поскольку ты человек нездешний, то для тебя скажу: имя моё Хродвальд сын Бьорна и я человек конунга.

С этими словами он встал и приложил руку к груди. При этом слегка высокомерная насмешка всё время не сходила с его уст.

Асню, сидевшая на коленях у Ингвара, отчего-то замерла с открытым ртом и чуть не выронила из рук кусок мяса.

Хёскульд тоже встал.

– Моё имя тоже теперь здесь известно, – в тон Хродвальду заговорил он, – но для тебя я повторю его ещё раз. Имя моё Хёскульд сын Дюри и родом я из Трандхейма. Я и мои люди не купцы, а воины и наши корабли не купеческие кнарры, а боевые драконы. Но мы не разбойники и грабители, если ты имел это в виду, называя нас викингами.

Хродвальд, продолжая усмехаться, открыл было рот, собираясь ответить. Но Арнбьорн, почувствовав назревающую ссору, поднял руку и заговорил раньше.

– Мой гость Хродвальд вовсе не хотел тебя обидеть, любезный гость, – сказал он. – Но я тебе говорил, что в наших местах не жалуют викингов. Мы мирные бонды, мы сеем хлеб и служим нашему конунгу, только и всего.

– Я и не думал обижаться, любезный хозяин, – усаживаясь на своё место, отвечал Хёскульд. – Если твой гость считает нас викингами, то пускай. Это его дело…

Арнбьорн тем временем жестом несколько раз показал Хродвальду, чтобы тот сел, и тот нехотя подчинился.

– Мы не нападаем на купцов и не грабим хутора на побережье, – продолжал Хёскульд. – Если бы было так, мы не стали бы искать возможности купить хлеб, а взяли бы его силой.

Сидевшие вокруг костра зашумели.

– Если бы вы попытались так поступить, мы бы достойно вам ответили, – нахмурив брови, сказал Стейнольв.

– Не сомневаюсь, – склонил голову Хёскульд. – Хоть вы и мирные бонды, но наверняка сможете постоять за себя и дать отпор любому врагу.

Вокруг снова зашумели, заговорили разом.

– Мы отправились в поход не для того, чтобы разбойничать, – продолжал Хёскульд. – После великой битвы при Хафрсфьорде в наших краях стало тесно. Конунг Харальд поставил везде своих людей и все, от ярла до самого последнего бонда теперь подчиняются ему и платят подати. Никто не может торговать или вести войну без его ведома. Но мы свободные люди, и многие из нас покинули Норег, спасаясь от его притеснений. Я и мои люди в том числе. Но, как я сказал уже, мы не собираемся становиться пиратами. Мы ищем возможности поступить на службу к какому-нибудь могущественному конунгу, может быть даже к самому правителю Миклагарда.

Кто-то восхищённо охнул, кто-то засмеялся. А Хродвальд слегка подался вперёд и сказал:

– Сдаётся мне, ты говорил, что ты и твои люди плывёте на восток, через море. Как же вы собираетесь попасть в Миклагард?

Да и в самом деле как? Все разом замолчали, а Ингвар даже выронил кубок и пиво выплеснулось на платье Асню. Она вскочила, отряхиваясь, и сердито сказала:

– Ну вот, теперь платье придётся стирать, Ингвар сын Ингимара!

– Прости, – пробормотал юноша. – Я задумался.

– Задумался он, – пробурчала Асню, снова усаживаясь к нему на колени. – Небось опять представлял, как поступишь на службу к конунгу и приплывёшь за мной на золотой ладье.

– Нет… – растерянно бормотал Ингвар. – То есть да… То есть…

– Ладно, – Асню тихо засмеялась. – Я пошутила.

Между тем Хёскульд обвёл взглядом присутствующих и сказал:

– Да, все знают, что в Миклагард можно попасть длинным путём, через земли фризов и данов и дальше, через Срединное море. Но есть и короткий путь на восток, речной путь на Свартахав[9].

Несколько человек захохотали, а Арнбьорн сказал:

– Это всё байки, в которые давно никто не верит. Даже если такой путь есть, то он труден и опасен и обычному человеку его не пройти.

– Да-да, – подхватил Торгрейв. – Плывя на восток, можно разве что попасть в Ётунхейм, прямо в пасть троллям!

Дружный хохот поддержал его слова.

– Я не буду с вами спорить, – сказал Хёскульд. – Но знайте, у меня есть доказательство!

– Доказательство! – Закричали вокруг костра. – Доказательство! Что за доказательство?

Хёскульд с важным видом обвёл собравшихся взглядом, видимо, весьма довольный тем, что теперь завладел их вниманием.

– Олав, – сказал он, протянув руку вперёд, – Олав был в Миклагарде…

С места поднялся один из спутников Хёскульда, уже не молодой, но ещё крепкий человек с седеющими волосами и стянутой в двух местах кожаными ремешками бородой.

– Он был в Миклагарде! – раздались голоса. – В самом Миклагарде! Расскажи нам! Мы слушаем тебя, Олав!

– Наверняка никто из вас не бывал в Миклагарде, – сказал Хёскульд, жестом призывая к тишине. – А Олав был. И провёл там три года.

Олав кивнул, подтверждая слова своего предводителя.

– Правда ли что Миклагард окружён стеной из огромных камней, которую в древние времена построили великаны? – спросил кто-то.

– Правда, – снова кивнул Олав. – И эта стена так высока, что даже если десять человек станут друг другу на плечи, тот, кто будет стоять на самом верху, не сможет дотронуться до её края. Но я не думаю, что это сделали великаны.

– Кто же тогда?

– Эту стену построили сами греки с помощью разных хитроумных приспособлений, которых у них есть достаточно.

– Не может того быть! Не может быть!

– А правда что горловина фиорда, на котором стоит Миклагард, перегорожена цепью из чистого золота?

– Да, цепь там есть, – сказал Олав. – Но она не из золота, а из железа. Каждое кольцо её такого размера, что в него свободно может пролезть человек.

– Сказки! – воскликнул один юноша, сидевший позади Ингвара. – Кто же поднимает и опускает эту цепь? Разве что тамошние правители заставили работать на себя троллей!

Все снова дружно захохотали.

– Цепь наматывают на огромный ворот, – стал терпеливо объяснять Олав, – ворот, который крутят десятки рабов.

– Откуда ты знаешь?

– Я сам крутил этот ворот.

---

[9] Чёрное море

Возгласы изумления и недоверия послышались с разных сторон.

– Олав попал в плен к сёркам[10], – сказал Хёскульд. – А они продали его грекам. Сначала те приковали его цепью на своём корабле и заставили грести…

– Заставили раба грести на корабле? – удивлённо поднял брови Торггрейв. – Невиданное дело!

– У греков на кораблях часто гребут рабы, – отвечал Хёскульд. – И над ними стоят надсмотрщики с плетьми. Олав год провёл на корабле. А потом он заболел, и его отвезли на берег. Думали, что он умрёт, но он выздоровел. И тогда его поставили крутить тот самый ворот.

– Как же ты вернулся домой? – спросил Хравн.

– Его выкупил один торговец из Сконе, – вместо Олава снова ответил Хёскульд. – С ним он добрался до Бирки, а оттуда домой, в Трандхейм.

Всё это время Хродвальд сидел, наклонившись вперёд, теребил ус и внимательно смотрел на Хёскульда. Теперь он выпрямился, уперев руки в колени, и громко сказал:

– Эти байки мы послушаем в другой раз. Где же твои доказательства, Хёскульд сын Дюри?

Люди вокруг костра притихли.

Хёскульд поднял вверх растопыренную пятерню и усмехнулся.

– Пусть рабы принесут ещё пива и мяса! – Сказал он. – А я буду рассказывать!

– Давай же! – нетерпеливо дёрнул плечами Хродвальд. Его кубок стоял рядом на земле, полный до краёв, но Хродвальд будто забыл о нём.

– В Миклагарде Олав встретил викингов, – начал Хёскульд. – Викингов, которые пришли с севера.

– Удивительно ли это? – усмехнулся Хродвальд, взяв с блюда кусок мяса. – Викинги всегда приходят с севера.

Вокруг снова дружно захохотали.

– Они пришли не через Срединное море, а с севера, через Свартахав, – пояснил Хёскульд. – Их было тридцать человек на одном корабле. Они шли по рекам, перетаскивая корабль из одной в другую, пока не достигли широкого залива, который они называли Эллипалтар[11]…

– Я слышал об Эллипалтаре, – подал голос Хравн, отец Асню. – Но никому из викингов не удавалось достичь тех мест.

– Этим удалось!

– Где же эти викинги? – спросил Хродвальд. – Могут ли они показать дорогу, по которой пришли?

– Не знаю, – развёл руками Хёскульд. – Олав говорит, они поступили на службу к правителю Миклагарда. Больше он их не видел.

– Мы не можем знать, правда ли это.

– Олав не лжёт!

– Может быть, Олав и не лжёт, – покачал головой Хродвальд. – У меня нет оснований не верить этому человеку. Но, возможно, он что-то неправильно понял…

– Они так говорили, – твёрдо сказал Олав. – Я сам слышал.

– Возможно, они говорили неправду.

– Зачем им врать?

– Откуда я знаю?

– Вот мы и проверим! – тряхнув головой, сказал Хёскульд.

– Да пребудет с вами удача! – поднял свой кубок Торггрейв.

– Да помогут вам боги! – вслед за ним поднял кубок Арнбьорн.

---

[10] Сарацыны

[11] Устье Днепра

Все сидевшие вокруг костра выпили. Рабы снова стали наполнять кубки. Только Хродвальд продолжал сидеть, держа в руках остывший уже кусок мяса, и кубок его всё так же стоял на земле.

– Нас в этом походе сорок два человека, – между тем продолжил говорить Хёскульд. – Но на наших кораблях ещё найдётся место, если кто-то из вас захочет присоединиться к нам.

– О, это вряд ли, – покачал головой Арнбьорн. – Я уже говорил…

– Что в ваших краях не любят викингов?

– Да… И что…

– Вы мирные бонды, которые должны сеять хлеб?

– Да, да… И наш ярл не одобряет…

– Что ж, – Хёскульд широко развёл руками, – ваше дело. Впрочем, человек, который решит присоединиться к походу, всё равно не скоро вернётся домой… Если вообще вернётся. И ему будет мало дела до вашей каждодневной суеты и одобрения или неодобрения вашего ярла.

– Ярлу, думаю, будет интересно узнать, на что ты подбиваешь его людей, – нахмурив брови, медленно произнёс Хродвальд.

– Ну так пойди и расскажи ему об этом прямо сейчас! – с вызовом бросил Хёскульд.

Хродвальд вскочил с места, казалось, готовый шагнуть к нему прямо через костёр. Его правая рука несколько раз схватила воздух, словно нащупывая рукоять меча.

Арнбьорн тоже вскочил и отчаянно замахал руками.

– Довольно! – воскликнул он. – Сегодня было выпито много пива, оно ударило вам в головы! Всем пора спать! Пусть рабы проводят гостей!

Трапеза, в самом деле, затянулась. Было уже далеко заполночь, когда все разошлись по домам и костры погасли. Ингвар шевелил палкой остывающие угли, а Асню, положив голову ему на плечо, наблюдала, как багровый жар постепенно тускнеет и серым пеплом опадает на землю.

– А Миклагард далеко? – вдруг спросила Асню.

– Ну… – Ингвар задумался. – Говорят, что по морю туда нужно плыть целый год.

– Ого! Целый год это долго.

– Долго.

– Значит, он очень далеко.

– Очень.

– А ты бы хотел туда поплыть?

– Я? – Ингвар воткнул палку в землю и посмотрел на Асню. – Не знаю. Зачем?

– И правда, зачем.

Они некоторое время сидели молча. Потом Асню спросила:

– А как люди находят дорогу в море?

– По звёздам, – подняв глаза вверх, ответил Ингвар. Ночи стояли в это время года светлые и звёзды смутно угадывались на сером небе. – Видишь, звёзды складываются в узоры? Вот Большая колесница, вон там Прялка Фригг. Это как руны, только на небе. Тот, кто умеет их читать, всегда отыщет дорогу.

– А ты умеешь?

– Не очень.

Последняя головешка в кострище вспыхнула напоследок ярким пламенем и погасла. Точно так же зажигается на мгновение и гаснет падающая звезда.

– Эти викинги поплывут на восток? – снова спросила Асню.

– Они так говорят.

– А что там на востоке?

– Наверно там тоже живут люди. Как мы здесь. Только другие.

– Ты бы поплыл с викингами?

– Что ты всё время хочешь отправить меня за край света? – Ингвар неумело сделал вид, будто сердится. – Хочешь от меня избавиться?

– Что ты! – Асню улыбнулась. – Конечно, нет! Я просто спросила.

– Никогда я никуда не уплыву от тебя! – прижав её к себе, сказал Ингвар.

– А как же служба у конунга?

– Это другое, для этого не нужно отправляться за девять морей, – ответил Ингвар и подумал, что викингами наверняка становятся люди, которых дома ничего не держит.

– Ну и хорошо, – вздохнула Асню и снова опустила голову ему на плечо.

Они ещё долго сидели, обнявшись, у потухшего костра, до тех пор, пока небо на востоке не начало алеть.

4.

Каждый день обычно похож на предыдущий, если не случается каких-нибудь неожиданных событий, как, например, внезапное появление Хёскульда и его дружины. Работы на хуторе хватало всем, так что никто не сидел без дела. С утра Ингвар отправился на берег помогать рыбакам смолить лодку. Он разводил костёр и варил смолу, пока другие переворачивали лодку и очищали днище от налипших ракушек. Поодаль возле своих кораблей возились викинги. Видно, Хёскульд всё-таки уговорил Арнбьона – Ингвар видел, как с хутора принесли несколько больших мешков и погрузили на корабль. Хитрец наверняка имел изрядные запасы, а может даже и доступ в амбары самого Стейни-ярла. Впрочем, это не его, Ингвара дело. Пускай сами разбираются.

Ближе к полудню, когда Ингвар и остальные сели обедать, на берегу появился Хродвальд. Он часто ходил без дела туда-сюда, поглядывал на море, перекидывался парой слов с местными, но никто никогда не видел, чтобы он взялся за какую-нибудь хоть самую простую работу. Вот и теперь спустился до половины склона, постоял, заложив руки за пояс, повернулся и пошёл обратно. Как всегда степенный и важный, в расшитой бисером рубахе, и меч в отделанных серебром ножнах грозно приподнимает полу плаща.

– И не наскучило ему вот так каждый день ходить? – глядя ему вслед, сказал один из рыбаков. – Сколько дней уже ходит.

Хродвальда на хуторе не особо любили. Чужак он и есть чужак. Только в лицо ему об этом никто не говорил. Гость, даже незваный и нежеланный, всё равно гость. А тут ещё и человек самого конунга!

Ингвар вздохнул и стал жевать кусок ячменной лепёшки. Ничего, не в это лето так в следующее он тоже поступит в дружину конунга, а пройдёт немного времени – тоже будет ходить вот так вот, поглядывая на всех свысока, с мечом на поясе и золотой цепью на шее.

В дружину конунга кого попало не берут. Сначала нужно пройти испытание, потом походить в младших дружинниках, прислуживая старшим, а уж потом, если только в грязь лицом не ударишь, сможешь сесть за пиршественный стол с самим конунгом. Он, Ингвар, не ударит, он сможет! Но это будет потом, а пока что надо идти варить смолу.

– Гляди-ка, там корабли! – крикнул кто-то, и все повскакивали на ноги, вглядываясь вдаль.

Со стороны моря снова, как накануне, скользили по волнам два боевых дракона. Только теперь это уж точно были драконы Стейни-ярла. Ингвар знал, что они пройдут мимо, потому что усадьба ярла находится ещё дальше, в самом дальнем конце фиорда, однако по пути высадят тех, кто возвращается на хутор.

Так и случилось. Когда корабли поравнялись с пристанью, от борта одного из них отошла лодка и направилась к берегу. Значит, сегодня за вечерней трапезой снова будут долгие

разговоры – станут пить пиво и обсуждать новости. А когда все разойдутся, они с Асню снова будут сидеть у догорающего костра и смотреть на звёзды.

5.

Хёскульд и его люди в этот день ушли ночевать на свои корабли, чтобы не прозевать отлив. Они торопились в путь и их никто не задерживал. Сорок лишних ртов на хуторе в самом начале лета немалая обуза. Тор-громовержец, когда захочет поесть, жарит своих козлов, а потом воскрешает их в плоти и крови, и может так делать хоть каждый день. Но люди не боги, им не дано творить чудеса.

– Вот и всё, пускай плывут, – облегчённо выдохнул Арнбьорн Левша, провожая взглядом уходящих в сторону фьорда викингов.

Он устало опустил плечи и пошёл обратно к своему дому, где уже готовили вечернюю трапезу.

– Хорошие новости, – Торгрейв похлопал по плечу Ингвара, который всё ещё смотрел вслед гостям. – Этим летом конунг собирается взять к себе ещё девятерых дружинников. Так что пришло время тебе показать себя.

– Правда? – Ингвар едва не подпрыгнул на месте от радости.

– Так сказали люди ярла, которые вернулись сегодня, – сказал Торгрейв, пряча улыбку в густых усах. – Думаю, мы ещё поговорим об этом за вечерней трапезой.

– Это хорошие новости! – Воскликнул Ингвар. – Я пойду, расскажу Асню!

И он со всех ног побежал к дому Хравна.

Асню в доме не было.

– Я с утра её не видела, – сказала женщина, хлопотавшая у очага.

– Может она помогает готовить ужин в доме Арнбьорна, – добавила другая. – Там сегодня снова много забот.

Ингвар вышел на улицу.

Вечерело. Со стороны дома Арнбьорна доносились смех и голоса, а здесь было тихо, только где-то в хлеву мычала корова.

– Асню! – крикнул он. – Асню! Где же ты! Ещё до начала зимы я поступлю на службу к конунгу! Асню!..

Никто не ответил.

Ингвар решил на всякий случай по пути заглянуть в хлев – может быть Асню пошла засыпать на ночь корма скотине.

В хлеву было совсем темно. Ингвар едва не наткнулся на подпиравший крышу столб и уже решил было уйти, как вдруг ему почудилось какое-то движение. Глаза понемногу привыкли к темноте, и он осторожно прошёл к боковой пристройке, где обычно хранили упряжь и разный инвентарь. Слабый свет солнца проникал в маленькое окошко под потолком, немного рассеивая темноту. Ингвар застыл на пороге, увидев Асню.

Асню была не одна. Её обнимал мужчина. Хотя он стоял к входу спиной, Ингвар сразу же узнал Хродвальда. Одной рукой он обнимал Асню за талию, прижимая к себе, а другой гладил её по бедру. Асню не противилась. Откинув назад голову и закрыв глаза, она позволяла ему целовать себя в шею.

– Асню!.. – ахнул Ингвар. – Как же так… Асню…

Они были так увлечены, что ничего не слышали.

Тяжёлый ком подступил к горлу, мешая дышать. Ингвар судорожно глотнул воздух широко открытым ртом и попятился. Всё вокруг поплыло как в тумане. Ещё вчера он обещал ей жемчужные бусы, а она сказала ему про ребёнка… Ребёнок… Чей это ребёнок? Этот Хродвальд… Вот зачем от столько времени торчит здесь… Асню! Как ты могла! Асню!

Её звонкий смех эхом отозвался у него в ушах, словно голос тысячи колокольчиков. Нет, ему не почудилось – Асню в самом деле смеялась, ещё сильней запрокинув голову, а Хродвальд всё целовал её и целовал…

Уже совсем как во сне Ингвар схватил стоявший в углу заступ и шагнул вперёд.

– Я убью тебя! – исступлённо прорычал он.

Хродвальд не успел обернуться, даже не успел разжать объятий. Ингвар с размаху ударил его по голове. Раз, другой, третий. Кровь брызнула ему на лицо, на руки, на бревенчатые стены, на помятое платье Асню.

Хродвальд без единого звука осел на землю, словно мешок с мукой, а потом растянулся во весь рост у ног Ингвара. Асню закричала. Её рука, которой она обнимала Хродвальда за шею, тоже была в крови. Похоже, Ингвар попал по ней, когда ударил последний раз.

– Ты убил его! – выкрикнула Асню и с совершенно безумным видом, окровавленная, растрёпанная проскочила мимо Ингвара и стрелой выскочила из хлева.

Ингвар стоял с заступом в руках и туман вокруг него понемногу рассеивался.

– Асню! – Крикнул он. – Стой, Асню!

Но было поздно. Её крики раздавались где-то далеко на улице. Сейчас на них сбегутся люди, придёт Арнбьорн и ему, Ингвару, уже не не отвертеться.

Ингвар выронил заступ. Руки его тряслись. Убийство это ещё полбеды. Но убийство гостя, да ещё и к тому же человека конунга это страшное преступление.

Ингвар побежал раньше, чем сообразил куда бежит и зачем.

А куда бежать-то? В лес? Там можно долго прятаться, но люди ярла всё равно рано или поздно его найдут. Никто не укроет убийцу, никто не поможет. Даже приёмный отец. Даже Арнбьорн, ели бы вдруг захотел. Потому что он убил человека конунга, и судить его будет сам конунг. Вот так вот и сбудется его мечта встать перед конунгом. Да только не так, как ему это представлялось!

Вернуться и рассказать всё, как было? При этой мысли перед глазами Ингвара возникли суровые лица Арнбьорна, Торгрейва и Стейни-ярла. И распростёртое на земляном полу окровавленное тело. Нет, ни за что!

Но как же Асню?

Асню предательница. Понесла от другого мужчины, а теперь наверняка уже рассказывает всем, как он, Ингвар, напал сзади и убил безоружного.

А если ребёнок не от Хродвальда? Да какая теперь разница. Хродвальд мёртв, а Ингвара ждёт жестокая кара, от которой не спастись. Поэтому нужно только бежать, бежать как можно дальше, туда, где не найдут и не выдадут… Только бы они ещё не уплыли!

6.

Они не уплыли. Корабли чёрными лебедями колыхались на волнах у самого берега.

– Хёскульд! – закричал Ингвар. – Хёскульд сын Дюри!

Хёскульд почти сразу же поднялся во весь рост над бортом корабля.

– Кто меня вызывает? – спросил он.

– Я! Ингвар сын Ингимара!

– И чего ты хочешь от меня, Ингвар сын Ингимара?

– Убежища и защиты!

Хёскульд, не долго думая, протянул ему руку.

– Поднимайся! – сказал он.

Взобравшегося на борт дракона Ингвара тут же обступили викинги. Хёскульд стоял, пристально рассматривая свою руку, за которую ухватился юноша, взбираясь на корабль. Рука и рукав рубахи были испачканы кровью.

– Что же ты натворил? – спокойно спросил Хёскульд.

– Я убийца. Я убил Хродвальда.

– Того напыщенного болтуна? И поделом. Я бы сам его вызвал на поединок и убил бы, не будь я здесь гостем.

– Я убил его не в поединке, а ударом в спину.

Хёскульд нахмурился.

– Не слишком достойный поступок, – сказал он. – Но на то, я думаю, был серьёзный повод.

– Он… Он украл мою женщину!

– Женщину не так легко увести, если она сама того не захочет, – усмехнулся Хёскульд. – Думаю, стоило бы проучить её вожжами, прежде чем хвататься за меч. Но причина для убийства вполне достаточная. Твоё объяснение принимается.

– Ты поможешь мне?

Хёскульд задумался. Забрать с собой этого юношу и рассориться с бондами? Впрочем, может быть, никто и не узнает. Да и возвращаться сюда в ближайшее время Хёскульд не собирался.

– Хочешь стать викингом? – спросил он, испытующе глянув на Ингвара.

– Если на то будет воля богов.

– Другого пути у тебя, похоже, нет, парень.

– Похоже, что нет, – обречённо кивнул Ингвар.

– Умеешь грести?

– Да.

– А мечом владеешь?

– Немного.

Хёскульд задумчиво почесал щеку.

– Его будут искать, – негромко сказал, склонившись к его правому плечу, одноглазый викинг в кожаной безрукавке.

– Наверняка уже ищут, – ответил Хёскульд. И окликнул кого-то невидимого: – Эй, Ивар!

Низкорослый светловолосый крепыш с заплетённой в косу бородой тут же явился на этот зов.

– Что скажешь, кормчий, сможем мы сейчас же выйти из фиорда?

– Надо ждать отлива, – ответил тот. – Ветер встречный, гонит волну с моря. Против волны в море не выйдем.

– Пойдём на вёслах, – предложил другой викинг, тот самый Олав, который накануне рассказывал о своих злоключениях в Миклагарде.

– Ночью? – Кормчий Ивар пожал плечами. – Ночи нынче светлые, но не настолько, чтобы можно было смело идти вдоль незнакомого берега. Кто знает, где наткнёмся на подводный камень или сядем на мель?

Хёскульд снова задумался. Потом сказал:

– Отплывём пока дальше от берега, чтобы нас не застали врасплох. А когда станет достаточно светло, пойдём на вёслах.

7.

Они не успели. Солнце вставало из-за сонных береговых скал, подсвечивая грозные очертания пяти кораблей, из которых два были боевые драконы. Растянувшись в линию перед каменными воротами фьорда, они преграждали дорогу викингам Хёскульда. Дважды грозно прогремела труба и голос откуда-то сверху, с нависающей над водой скалы крикнул:

– Остановитесь, викинги!

Хёскульд, на ходу натягивая кольчугу, выбрался из-под раскинутого над палубой шатра.

– Не высовывайся! – походя, бросил он притаившемуся среди мешков Ингвару и, сложив на груди руки, встал на носу корабля.

– Кто там надрывает глотку ни свет, ни заря?! – крикнул Хёскульд, выискивая взглядом того, кому принадлежал голос.

Человеческая фигура отделилась от серой скалы и замерла на уступе.

– Это я, Арнбьор Левша! – крикнул человек, помахав рукой.

– Чего тебе нужно, Арнбьорн? Вроде бы мы с тобой простились ещё вчера, а за муку и зерно я щедро расплатился с тобой серебром!

Арнбьорн некоторое время пристально глядел вниз, будто высматривал что-то на палубах кораблей, а потом ответил:

– Мы ищем убийцу!

Зловещая тишина повисла над фьордом.

– Мы здесь все убийцы! – широко раскинув руки, выкрикнул Хёскульд. – Какой тебе нужен? Выбирай!

И расхохотался. Столпившиеся за его спиной викинги поддержали своего вождя дружным смехом.

– Ты и твои люди нам ни к чему, – невозмутимо отвечал Арнбьорн. – Но мы думаем, что на твоём корабле прячется человек по имени Ингвар сын Ингимара, который прошлой ночью убил дружинника конунга.

Хёскульд обернулся к своим.

– Эй, ребята, не видали ли вы тут какого-нибудь Ингвара? – спросил он громко.

– Никого не видали, – отвечали викинги. – На корабле чужаков нет!

– Видишь!? – Хёскульд снова обратился к Арнбьорну. – Мои люди говорят, что нет здесь никакого Ингвара!

– Я верю, что вы честные люди, – сказал тот. – Но вдруг вы не заметили, как кто-то проник ночью на корабль и спрятался в нём. Думаю, для вас не составит труда ненадолго свернуть к берегу и дать нам возможность осмотреть ваши корабли.

– Почему я должен выполнять твою просьбу? Я очень спешу!

– Потому что не только я тебя прошу об этом, а также ещё и уважаемые люди на тех кораблях, мимо которых тебе придётся пройти по пути к морю!

– Чувствую, будет драка, – Олав с мрачной улыбкой нахлобучил шлем.

– Не будет, – хмуро проговорил Хёскульд и приказал: – Причаливайте!

– Мы что сдаёмся? – изумлённо вскинул брови кормчий Ивар. – Мы не вступим в бой?

– Ты сошёл с ума? Их там человек сто не меньше!

– Да половина из них вообще не бойцы!

– Второй половины хватит, чтобы отправить нас всех к Одину!

– И что, мы отдадим им мальчишку?

– А вот это уж нет, – Хёскульд окинул взглядом корабль. – Тащите сюда вон ту бочку! Что там в ней?

– Вода, – ответили викинги, выкатывая на середину большой, пузатый бочонок.

– Выливайте! – велел Хёскульд. – Человек туда, пожалуй, влезет.

Когда бочка опустела, предводитель викингов взглядом отыскал среди мешков бледное лицо Ингвара.

– Полезай внутрь! – скомандовал он. – И сиди там тихо. А вы, – он обратился к своим товарищам, – накройте его кожами, а сверху налейте китового жира!

Когда корабли подошли к берегу, там их уже поджидал Арнбьорн со своими людьми. Хёскульд не вышел его приветствовать. Он уселся на бочку, в которую только что тщательно упрятали Ингвара, и ждал.

Арнбьор взошёл на борт в сопровождении нескольких человек. Все они были вооружены.

– Я, конечно же, приношу свои извинения… – начал было Арнбьорн, но Хёскульд прервал его на полуслове.

– Я сказал, что тороплюсь, а потому ищи быстрее, не задерживай меня!

Арнбьорн слегка кивнул в ответ и дал знак своим людям. Те рассыпались по кораблю и принялись заглядывать во все углы.

– Здесь его нет, – некоторое время спустя сообщил один из них.

Арнбьорн нахмурился, отошёл к борту и окрикнул людей на другом корабле:

– Что там у вас?

– Ничего! – был ответ.

Хёскульд нахмурился и громко сказал:

– Вот видишь, ты напрасно оскорбил меня подозрением, Арнбьорн Левша!

Тот растерянно почесал затылок и ещё раз обошёл корабль от носа до кормы.

– А в бочке что? – вдруг спросил он.

– В какой?

– В той, на которой ты сидишь.

– Ворвань.

– Я взгляну?

– Взгляни.

Хёскульд встал. Арнбьорн подошёл, нагнулся над бочкой и подцепил концом своего ножа толстую дубовую крышку. Кормчий Ивар тут же стал у него за спиной и правой рукой взялся за висевший на поясе нож. Хёскульд бросил на него быстрый взгляд и едва заметно покачал головой.

– И правда ворвань, – вздохнул Арнбьорн, распрямляясь.

– Мы можем плыть дальше? – Спросил Хёскульд.

– Да, – рассеянно отвечал Арнбьорн. – Да пребудет с вами удача!

Когда незваные гости убрались восвояси, Ивар сказал:

– Ну что, может уже выпустим парня? Ему наверняка там несладко.

– Нет ещё, – отвечал Хёскульд и разрешил раскрыть бочку только когда скалы фьорда остались далеко позади.

Ингвар, весь покрытый испариной, отплёвываясь и кашляя, выбрался на палубу. Вонючий жир, который всё-таки просочился через кожи, протёк ему за шиворот, налип на одежде и волосах.

– Ну и запах, – зажав пальцем нос, хохотнул молодой викинг, помогавший Ингвару выбраться.

– Воняет как дерьмо нарвала! – подхватил его товарищ. – Эй, парень, как ты там не задохнулся-то?

Ингвар не мог говорить, только жадно хватал ртом воздух и пытался стереть с себя остатки зловонной жижи.

– Зачерпните воды, пусть вымоется! – велел Хёскульд, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Мы в море? – немного придя в себя, спросил Ингвар.

– Да, парень! – хлопнув его по плечу, отвечал кормчий Ивар. – Добро пожаловать в дружину викингов!

Сильный порыв ветра налетел на судно, и оно слегка качнулось, так что Ингвар от неожиданности едва не потерял равновесие.

– Куда мы плывём? – спросил он, цепляясь рукой за канат.

– Мы плывём на восток, в Альдейгью, – отвечал Хёскульд.

– А где это?

– Да мы сами ещё толком не знаем! – рассмеялся Хёскульд. – Но боги укажут нам путь!

Глава 3.

1.

Связанного мужика звали Гром. Как-то раз, незадолго того как Радомир и Рябой попали на корабль, он исхитрился стащить нож и накинулся на сторожившего его мурманина. Гром был большой, широкоплечий, такой в схватке сам на сам одолеет любого. Да вот только один в поле не воин. Скрутили его мурмане, хорошенько намяли бока, а руки связали ремнём, чтоб больше не шалил.

Гром и его товарищ Тверд, второй пленник, ставили сети на реке, когда откуда ни возьмись из-за леса выскочила длинная лодка. Они и моргнуть не успели, как их обоих вытащили из воды будто зазевавшихся окуней.

– Что за народ такой мурмане? – спрашивал Радомир.

– Подлый народ, – Гром посмотрел на стоящего к ним спиной предводителя шайки и смачно плюнул. – Приходят вроде как торговать, а потом налетают, грабят, жгут… Одни к нам в позатом году заходили, зимовать оставались. Нас не тронули, а соседнюю деревню выжгли дотла. Кого убили, кого с собой увели…

– Зачем?

– Зачем? – Гром невесело усмехнулся. – Затем, что так они и живут, грабежом да убийством. Вот мы им зачем? Да затем, что свезут нас к хазарам, сменяют там на серебро и все дела.

– А хазарам мы на кой?

– Для работ всяких, мало ли. Рабы всегда нужны. А может того хуже – перепродадут нас купцам, а те повезут дальше, за море.

– За какое море?

– Джурджанское. А оттуда уже возврата нет.

– А далеко оно, это море?

– Сказывают, там, где кончается земля хазар.

– А эти мурмане, они откуда?

– С севера, – сказал Гром.

– Говорят, будто бы живут они там на островах посреди холодного моря, – подал голос Тверд, высоченный, тощий парень. – И на тех островах нет ничего, окромя леса, гор да болот. Потому и отправляются они в чужие земли счастья искать.

– Издалека, выходит, плывут гады, – сосредоточенно ковыряясь в носу, заключил Рябой.

– Ага, – закивал головой Тверд. – А ещё есть у них там самый главный мурманин, вроде кагана хазарского. Они все ему подчиняются. И он их посылает на добычу в разные стороны. И каждый должен часть добычи ему отдать. Потому этот мурманин богаче всех, на золоте ест и пьёт и дом у него весь из золота!

– Да ну? – недоверчиво глянул на него Радомир. – Откудова знаешь?

– Да не знает он ничего, – молвил Гром. – Байки разные пересказывает.

– А вот и нет! – насупился Тверд. – Люди врать не станут!

– Люди только и делают что врут. Никто не видел где та земля, откуда приходят мурмане.

– Откуда ты знаешь их язык? – спросил Радомир.

– Я ж говорю, зимовали они у нас, – сказал Гром. – Выменивали у нас харчи на соль. Соли у них было много. Вот тогда я по ихнему говорить и научился. У нас много кто научился. Девки там наши к ним бегали. Одну они потом с собой увезли, она вроде как сама захотела. А ещё две к концу лета детей родили. Ну их утопили само собой.

– Кого? Девок?

– Да нет, детей. Зачем девок топить? Они ж ещё годные. А мурманское отродье нам ни к чему.

Радомир подумал, что это как-то скверно топить детей просто потому что породили их какие-то заезжие северные люди, но вслух ничего не сказал.

Мурманская лодка стремительно двигалась вперёд, подгоняемая течением и мощными взмахами длинных вёсел. Мурмане гребли слажено, дружно. Вёсла поднимались и опускались одновременно, глубоко зарываясь в воду.

«Я бы, наверное, так не смог», – подумал Раддомир, глядя, как движутся вёсла и вздуваются мышцы на спинах гребцов.

Парус за всё время не ставили ни разу, потому что ветер был встречный. Радомир даже не узнал бы, что он есть, если бы Гром однажды кивком головы не показал ему лежащую на дне лодки мачту и длинный кожаный чехол рядом с ней.

Расстояние между берегами теперь стало в несколько раз больше. То ли река сделалась шире, то ли корабль выплыл в другую, более широкую реку – Радомир этого не ведал. Степь вплотную подступала к воде, кое-где отгороженная камышом и деревьями, а где-то начинаясь прямо от берега, уходила за далёкий горизонт. Берега были пустынны и необитаемы. Только пару раз на глаза попадались высокие вышки, точно такие же, как те, что Радомир видел в степи.

– Это тоже хазары? – спросил он у всезнающего Гудима.

– А то! – отозвался тот. – Кто ж ещё? Тут везде хазары.

– Может печенеги?

– Печенеги вышки не строят. На кой они им?

Радомир пожал плечами. И вправду на кой?

Счёт дням он давно потерял. Да и какая разница сколько уже времени прошло, как далеко позади остались дом и родня. Всё равно дороги назад не будет. Радомир даже подумывал о том, а не сигануть ли ему за борт и камнем на дно, на корм рыбам. Рябой, угадав это его желание, сказал:

– Дело твоё, конечно, а я вот помирать пока не собираюсь. И тебе не советую. Рано или поздно будет нам оказия, вырвемся на волю.

– Будет ли? – с сомнением покачал головой Радомир.

– Не сегодня, так через год. А не через год, так через два. Но по любому будет.

– И что тогда?

– Вырвемся, – повторил Гудим. – И станем назад пробираться. Ты домой, а я сестру искать.

– Далеко мы ушли уже.

– Далеко. Так и что с того? Дойдём!

– Хорошо бы, – пробормотал Радомир и снова погрузился в отупляющую дремоту.

2.

Крепость возникла внезапно, будто жаркая степь вдруг выплюнула её из своей утробы прямо навстречу кораблю. На высоком, крутом берегу, с трёх сторон окружённая водой, она была чем-то совершенно чуждым и враждебным в сравнение с окружающей местностью.

– Гудим, смотри! – тряхнув товарища за плечо, привстал с места Радомир. – Смотри, какая громадина! Неужто это и есть Хазаран?

По сравнению с той крепостью, которую они видели в самом начале пути, эта была невероятно огромна. Но, что поражало больше всего, стены её сложены были не из брёвен, а из правильной формы камней и поднимались на невероятную высоту, такую, что даже самая высокая лестница, наверное, не достанет. А над стеной, ещё выше, вздымались в небо такие же камен-

ные башни, увенчанные коронами каменных зубцов. Ни Радомир ни его товарищи по несчастью никогда раньше не видели такого размера построек, да ещё к тому же и каменных.

– Может и Хазаран, – окинув взглядом надвигавшуюся прямо на них громадину, сказал Гудим. – Всё может быть.

Мурмане особого интереса к крепости не проявляли. Гребли себе да и гребли. Видать им она была не в диковинку.

Внизу, у подножия крепости было заметно движение. Люди, лошади, повозки сновали туда-сюда, а вдоль берега раскинулись многочисленные шатры и палатки. Тут же виднелась пристань, только какая-то диковинная, не похожая ни на одну из тех, что Радомир видел раньше. Её деревянный настил, проложенный между двух рядов столбов, одним концом далеко уходил на берег, а другой его конец полого спускался вниз и нырял прямо в воду. Таких странных причалов здесь был целый десяток. А прямо от них в необъятную степь уходила широкая, ровная дорога, с двух сторон ограждённая земляным валом, на гребне которого через равные промежутки чернели всё те же уже хорошо знакомые сторожевые вышки.

– Древние боги! – только и смог выговорить Радомир.

– Да, занятное сооружение, – сказал Рябой, внимательно разглядывая причалы.

– Для чего это?

– Да кто его знает! Вот сейчас причалим да сами всё и увидим.

И в самом деле, скоро, даже раньше, чем мурманский корабль подошёл к берегу, Радомир разглядел назначение диковинной пристани. Другой корабль, видно, пришедший с юга, не такой длинный и узкий, как у мурман, приблизился к причалу, и нос его оказался аккурат между вбитых в дно реки столбов. Тут же на пристани засуетились люди, потащили какие-то верёвки, которые стали крепить к кораблю. А потом на берегу стали крутить большие деревянные вороты, которых Радомир сперва не заметил, и к которым были привязаны концы тех верёвок. Верёвки натянулись, и корабль пополз по доскам, мало-помалу выбираясь на берег.

– Вот чудеса! – молвил Радомир, изумлённо пялясь на слаженную работу людей на берегу.

Тем, видно, было не впервой заниматься такими делами. Очень скоро весь корабль оказался на деревянном помосте и заскользил дальше между столбов. Несколько человек с вёдрами подбежали и, видно, чтоб сподручней было тянуть, плеснули ему под брюхо густого жира.

Но потом стало ещё интересней. У конца помоста стояли длинные дроги, как раз с ним вровень, которые Радомир принял было за продолжение деревянного настила. На эти дроги и затащили в конце концов корабль.

Пока корабль волокли на берег, другие люди попарно запрягали в дроги волов. Делали они это так проворно, что когда корабль остановился, волы уже были запряжены. Возницы взмахнули кнутами, и дроги неспешно поползли по дороге, увлекая на себе судно.

– Думаю, – сказал Рябой, – это переволока. У нас бывало тоже лодки таскали из реки в реку посуху, на руках. А тут у них вон, целые корабли на телегах возят!

– Куда ж они их волокут? – спросил Радомир.

– Почём я знаю? Видать, где-то там ещё одна река. Вот туда и тащат. А, может, прямиком в море.

– Далеко, наверное. Раз отсюда не видать.

– Думаю не близко.

Между тем мурманский корабль приблизился к берегу и предводитель разбойников стал что-то кричать, а ему стали отвечать на его языке. Так они поперекрикивались, а потом главарь махнул рукой и что-то сказал своим. Те налегли на весла, и корабль повернул туда, где рядом с пристанью виднелись палатки и суетился народ.

– Ночевать будем тут, – пояснил Гром. – Он хотел, чтобы корабль потащили сейчас, но ему сказали, что на сегодня уже нет свободных упряжек, все при деле.

У берега, на песчаной отмели отдыхали другие корабли – большие, малые, длинные с низкими бортами, как у мурман, широкие, похожие на лохани, пустые и нагруженные доверху. Один из них, которому, видно, подошла очередь, снялся с якоря и направился к пристани, где его тут же взяли в оборот.

– Сколько ж здесь народу-то! – удивлялся Радомир. – Я столько сроду в одном месте не видел!

– Со всего мира плывут в Хазаран! – отозвался Гудим. – Это не деревня твоя убогая!

Радомир хотел сказать, что его деревня вовсе не убогая, но, окинув ещё раз взглядом крепость и палаточный городок на берегу, решил промолчать.

Мурмане подвели свой корабль к берегу и, когда под днищем заскрипел песок, гребцы убрали вёсла, попрыгали в воду и затащили судно на отмель. Пленников вытолкали из корабля. Один из разбойников принёс верёвки, которыми им связали ноги так, что можно было передвигаться только маленькими шажками.

– Ишь ты, – пробурчал Рябой. – Боятся, что побежим. Даже хазарин и то нас так не вязал.

Радомиру было всё равно. Он уже привычно упал на землю и закрыл глаза. И даже не пошевелился, когда принесли чёрствые лепёшки и миску с рыбной похлёбкой.

Солнце размазанным красным пятном нырнуло за дальний берег. Вокруг зажглись костры, и дым пополз между шатрами. Загорелись огни на сторожевых вышках вдоль волока и на башнях растворившейся в сумерках крепости. Лагерь гудел и гомонил на все лады. Кто-то горланил песни, где-то звенели кубки и лилось вино, в другом месте жарили на вертеле мясо. Группа торговцев в причудливых пёстрых одеждах воткнули в землю по кругу факелы и заставили своих рабынь раздеться и танцевать в этом круге под звуки бубна. Кое-кто из мурман пошёл поглазеть на это зрелище, а остальные расселись вокруг костра и принялись за ужин.

– Поел бы, – толкнул Радомира Рябой.

– Не хочу, – отмахнулся тот и перевернулся на другой бок. Ему хотелось спать, и он даже ненадолго заснул. Во сне ему привиделась дорога в степи, по которой он бредёт один-одинёшенек вслед за солнцем, а далеко впереди виднеется огромный красивый город из белого камня. Но дойти до него было невозможно – сколько бы ни шёл Радомир вперёд, город оставался на одном и том же расстоянии от него.

Чьи-то громкие голоса, раздавшиеся вдруг прямо над головой, заставили Радомира открыть глаза. Совсем рядом, почти касаясь его краем плаща, стоял высокий, худощавый человек, по виду хазарин, в хазарской одежде и с кривым мечом на боку. Лицо его что-то напомнило Радомиру, словно он уже видел его где-то, но так давно, что теперь не мог вспомнить. Хазарин о чём-то говорил с предводителем мурман через толмача, низенького, грязного человечка с беззубым ртом.

Гудим потянул Радомира за ногу и тот осторожно отполз в сторону. Сам Рябой напрягся и прислушивался к разговору.

– Что там? – Спросил Радомир. Он узнал несколько знакомых слов, но смысл разговора остался ему непонятен. – О чём гутарят? Продавать нас будут?

– Да нет вроде, – ответил Гудим и стал слушать дальше.

– Хазарин спрашивает про того, другого хазарина, – сообщил он чуть погодя.

– Про какого другого?

– Того, что нас вначале вёз. Вроде как ждёт он его тут уже двенадцать дней.

– Так его ж убили!

– Ну это мы-то знаем. А он не знает. Вот и спрашивает у мурманина не видал ли он значит такого-то человека, по имени называет и рассказывает как ходит, во что одет…

Мурманин качал головой и что-то отвечал.

– А этот говорит что мол нет, не видел, не слышал…

– Так давай ему скажем!..

– Нам оно зачем?

– Ну спрашивает же человек…

И, прежде чем Рябой успел что-то возразить, Радомир привстал и, позабыв, что ни мурманин ни хазарин его не понимают, воскликнул:

– Видели мы того Белого Воина! Он нас полдороги сюда вёз, да сгинул!

Мурманин что-то сердито крикнул и с размаху пнул Радомира ногой в бок. Тот охнул от боли и скорчился на земле. Мурманин хотел пнуть его ещё раз, но хазарин не дал. Встал между ним и Радомиром, поднял руку с плетью, стал говорить что-то.

– Ну и дурак же ты! – процедил Рябой и отвернулся.

Толмач подскочил, стал что-то пояснять хазарину. Тот зыркнул на Радомира, на Рябого, потом на мурманина, который совсем ничего не понимал, но на всякий случай схватился за меч. Увидав, что происходит непонятное, другие мурмане повскакивали со своих мест и стояли в стороне, готовые в любой момент кинуться на подмогу. А за спиной хазарина словно из-под земли выросли воины в хвостатых шлемах.

Толмач повернулся к мурманину, быстро заговорил, показывая то на Радомира то на своего господина. Мурманин молча кивнул, вернул в ножны наполовину обнажённый меч и отступил на шаг.

Тогда толмач обратился к Радомиру, который с перепугу как упал, так и лежал, не смея шевельнуться.

– Мой хозяин спрашивает, правда ли что ты видел Рафаила, воина в белых одеждах?

Юноша осторожно приподнял голову и, увидев, что мурманин отошёл, несколько раз кивнул.

– Мой господин хочет знать, где и когда это было. Воин в белых одеждах его отец.

Вон оно что! Теперь-то Радомир понял, отчего лицо хазарина показалось ему знакомым.

– Скажи своему господину, – произнёс он, – что видели мы его давно, может дней двадцать минуло, а где сам не ведаю.

– Правда ли то, что ты сказал прежде? – спросил хазарин и толмач стал пересказывать его слова Радомиру. – Правда ли, что он убит?

– Убит, сам видел. Печенеги его убили.

– Напали в степи?

– Нет, те, что с ним были.

Хазарин опустил голову. По лицу его пробежала лёгкая тень.

– Место показать сможешь? – помолчав, спросил он.

– Н-нет, вряд ли, – покачал головой Радомир. – В степи то было, далеко…

– Я смогу показать! – вдруг по-хазарски сказал Рябой.

Хазарин бросил на него быстрый взгляд.

– Думаю, смогу, – продолжал тот. – Я вроде место запомнил. Если пойдём вверх по реке, сможем туда дойти.

– Я куплю этого! – сказал хазарин предводителю разбойников.

– Э нет, не пойдёт! – запротестовал Рябой. – Забирай нас всех, мы все там были! Вдруг я чего не вспомню, другие вспомнят!

Хазарин подумал, поскрёб бороду.

– Хорошо! Всех заберу!

Они начали торговаться. Мурманин видно набивал цену, мол, раз они так тебе нужны, значит надо заплатить больше. Хазарин не соглашался, говорил, что раз сразу четверых рабов забирает, значит ещё надо уступить.

– Эй, ты чего? – Радомир дёрнул Рябого за полу. – Ты чего удумал?

– Молчи! – зашипел Рябой. – Ты головой соображай! Если сейчас нас хазарин купит, то повезёт обратно в степь, чтоб мы место показали. А там мы может дёру и дадим. А коли с мурманами останемся, невесть куда они нас завезут.

Тем временем торг закончился. Хазарин достал кожаный кошель и бросил его главарю разбойников. Тот подхватил кошель на лету, высыпал на ладонь серебряные монетки, пересчитал, потом откуда-то достал маленькие весы, взвесил, оскалил зубы в довольной улыбке и махнул рукой:

– Забирай!

Хазарин сделал знак пленникам подниматься и идти за ним. Потом, увидав, что ноги у них связаны, велел своим людям разрезать верёвки.

– Побегите – кожу живьём сниму, – пообещал он и улыбнулся почти что ласково.

– Добрый, – пробормотал Гром, которому наконец-то развязали руки. И косо посмотрел на Рябого: – Гляди, парень, как бы хуже не вышло!

– Я своё дело знаю! – спокойно ответил тот.

Хазарин же стал его о чём-то расспрашивать, Рябой отвечал, время от времени кивая на своих товарищей, словно говоря: «Вот они тоже видели, могут подтвердить, что так и было».

Так они дошли до большой белой палатки.

– В путь тронемся завтра на рассвете, – сказал хазарин. – А сейчас спать.

Тут Радомир, уже выучивший от Гудима немного хазарских слов, не выдержал и спросил:

– А правда ли что эта крепость и есть Хазаран?

Хазарин сначала слегка опешил, а потом, поняв о чём речь, громко расхохотался.

– Мальчик, – сказал он, – великий Атиль, который иноземцы также зовут Хазаран, стоит на двух берегах огромной реки и он в тысячу раз больше! А это, – он указал плетью в темноту, – Шаркел, Белая крепость.

И снова засмеявшись, хазарин скрылся в своей палатке.

Глава 4.

1.

После шаткой палубы, то и дело норовившей уйти из-под ног, стоять на добротном, прочном настиле пристани было немного непривычно. Хотя Ингвар раньше плавал на корабле в Бирку и в Упсалу, этот поход дался ему тяжело, потому что длился в несколько раз дольше.

Они пошли напрямик через море к Готланду, а оттуда – к Дагё[12]. Ветер не всегда был попутным, оттого время от времени приходилось браться за вёсла. И Ингвар грёб наравне со всеми, не показывая усталости. Уже когда корабли миновали Эйстланд[13], поднялась буря, заставившая их на целых два дня укрыться в небольшой бухте, окружённой диким лесом. После боги были благосклонны и погода стояла отличная, так что они благополучно вошли в Альдогу[14] и вскоре достигли цели своего путешествия.

Пройдя вдоль берега озера, они добрались до устья реки, чуть выше по течению которой стояла Альдейгья. Показались дома, добротные, крепкие, с высокими крышами, с придомовыми постройками – видно, строились здесь основательно, надолго. Значит, люди не боялись набегов чужаков, чувствовали себя под защитой. И не удивительно – над городком, над дощатой пристанью на высокой горе, один склон которой, тоже плотно застроенный, полого спускался к реке, словно грозный страж, возвышалась крепость.

– Это и есть Альдейгья? – спросил Ингвар, оглядываясь.

– Похоже, что да, – отвечал Хёскульд.

Казалось, никому до них не было дела. Рядом, на той же пристани разгружался большой кнарр. Рабы таскали с корабля на берег какие-то большие кожаные тюки, а важного вида человек в широком белом плаще на волчьем меху, сложив руки на груди, внимательно наблюдал за их работой. Откуда-то доносились людские голоса и изредка ржание лошадей. Прохладный ветер дул с озера, наполняя воздух запахом дождя, однако в небе не было видно ни облачка.

– Что будем делать? – посмотрев по сторонам, спросил Ивар-кормчий.

Они сошли на пристань впятером – он, Хёскульд, Ингвар и ещё двое викингов.

– Надо бы порасспросить, кто тут главный, – сказал Хёскульд.

Навстречу им по дощатому настилу уже спешил человек. Одет он был в простую рубаху из некрашеного полотна, подпоясанную узким ремешком, такие же штаны, и только сапоги были добротные, хорошо сшитые, какие простые люди не носят. Человек был без оружия.

– Вилхо, – заговорил он, ещё только приблизившись, – моё имя Вилхо. Я здесь смотрю за пристанью.

Хёскульд вышел вперёд и тоже назвался.

– Вижу, вы пришли издалека, – сказал Вилхо, внимательно оглядывая гостей. – И корабли у вас совсем не купеческие.

– Да, ты прав, друг, – отвечал Хёскульд. – Мы не торговцы и у нас нет товаров на продажу.

– В Альдейгью приходят два рода людей, – продолжал Вилхо. – Одни идут с товаром, другие в поисках военной добычи. Кто-то отправляется дальше, на Гандвик[15]

---

12 Остров Хийумаа в Блатийском море

13 Область в Восточной Прибалтике, вероятно, современная Эстония

14 Ладожское озеро. У славян было известно как Нево-море.

15 Белое море

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.